
СОВЕТСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НАКАНУНЕ ВОЙНЫ: ДОСТИЖЕНИЯ, ОШИБКИ, ПОСЛЕДСТВИЯ

Альтернативы кануна войны

К 1939 г. Версальско-Вашингтонская система международных отношений фактически завершила свое существование, пройдя несколько этапов. Эти этапы не всегда были синхронны в двух основных подсистемах тогдашнего мира — европейской и азиатской. Тем не менее очевидно, что в период с 1918 по 1922 г. происходило становление основных политико-правовых механизмов нового миропорядка. Эти механизмы оказались излишне статичными и потребовали изменения в следующий период (1922–1931), который характеризовался тем, что ни один из участников мировой системы не был готов сломать вооруженным путем хрупкий статус-кво. Нарастание напряженности на Дальнем Востоке, условный отсчет которому может быть положен вторжением Японии в Маньчжурию в 1931 г., а также произошедший в 1933 г. приход нацистов к власти в Германии повлекли за собой, соответственно, разрушение Вашингтонского порядка и нарастание нестабильности в Европе.

Это ясно понимали в Советском Союзе. В отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVIII съезду партии 10 марта 1939 г. И. В. Сталин привел «перечень важнейших событий, положивших начало новой империалистической войне» (при этом он не упомянул об оккупации Японией в 1935 г. китайской провинции Чахар). Сталин констатировал, что «в 1935 г. Италия напала на Абиссинию и захватила ее. Летом 1936 г. Германия и Италия организовали военную интервенцию в Испании, причем Германия утвердилась на севере Испании и в Испанском Марокко, а Италия — на юге Испании и на Балеарских островах. В 1937 г. Япония, после захвата Маньчжурии, вторглась в Северный и Центральный Китай, заняла Пекин, Тяньцзинь, Шанхай и стала вытеснять из зоны оккупации своих иностранных конкурентов. В начале 1938 г. Германия захватила Австрию, а осенью 1938 г. — Судетскую область Чехословакии. В конце 1938 г. Япония захватила Кантон, а в начале 1939 г. — остров Хайнань. Таким образом, война, так незаметно подкрадываясь к народам, втянула в свою орбиту свыше пятисот миллионов населения»¹.

Последовательно осуществленные гитлеровским режимом (при попустительстве западных демократий) ремилитаризация Рейнской зоны, аншлюс Австрии и реализация мюнхенского сговора привели не просто к ревизии, а к настоящему слому установлений Версаля. Это способствовало ослаблению позиций самих западных демократий, прежде всего Франции. Советский полпред в Париже Я. З. Суриц в телеграмме от 12 октября 1938 г.

сообщал в Москву: «В том, что Франция пережила свой второй Седан и что в Мюнхене ей нанесено было страшнейшее поражение, сейчас отдает себе отчет любой француз». Даже вчерашние поклонники политики умиротворения «уже усвоили ряд непреложных и... неприятных истин, а именно что:

1) Германия при помощи Франции без единого выстрела увеличила свое население больше чем на 3 миллиона человек и сейчас довела его до размеров, больше чем в два раза превышающих население Франции;

2) Германия увеличила свою территорию больше чем на 27 тыс. кв. км;

3) получила в подарок ряд высокооборудованных фабрик и заводов и важнейшие отрасли минеральных богатств;

4) захватила в свои руки линию укреплений, которая всегда рассматривалась как наиболее серьезный барьер против германской агрессии в Центральной Европе;

и что одновременно Франция:

а) лишилась своего наиболее верного союзника в Центральной Европе;

б) лишилась армии, которая в военное время могла быть доведена до 1–1,5 млн человек...

в) что Франция растеряла сейчас всех своих союзников, надорвала связь с СССР и значительно, даже в глазах Англии, обесценила свой удельный вес и свою роль союзника»².

Вывод, содержащийся в последнем пункте, оказался ключевым для руководства СССР. Именно он и составлял основу советской мотивации к изменению внешнеполитического курса весной — летом 1939 г., во многом объяснявшуюся опасениями внешнеполитической изоляции СССР, столь реальной после Мюнхена, ставшего роковым просчетом западных демократий.

Объективно к 1939 г. на дальневосточный очаг будущей мировой войны влияло бурное развитие событий в Европе, которые привлекали все большее внимание мировой и советской дипломатии. Именно в 1939 г. Советский Союз превратился в непосредственного участника предвоенного международно-политического кризиса. Однако это участие мотивировалось не желанием разрушить установления Версаля, а стремлением не быть погребенным под обломками Версальской системы и (в условиях широкомасштабного конфликта на реке Халхин-Гол в Монголии) не допустить агрессии Японии непосредственно против СССР. Эта задача могла быть решена, в частности, через незамедлительное создание максимально широкого и подконтрольного СССР лимитрофного пояса безопасности. В отдельных случаях соответствующие усилия наталкивались на совершенно иное понимание ситуации теми национальными правительствами, чьи страны попадали в зону безопасности СССР и одновременно в зону интересов западных демократий или государств оси — как в случаях с Финляндией и Балканами. Особо ярким и наиболее успешным вариантом формирования пояса безопасности стала географическая переадресация агрессора на другое направление, как это произошло с Японией, которая, испытав мощь советского оружия в событиях на Хасане и Халхин-Голе, в последующие годы сосредоточилась на Китайском, Индокитайском и Тихоокеанском театрах военных действий.

Утрата старых политико-правовых основ международного поведения порождала невиданный цинизм всех участников международных отношений. «Война создала новую ситуацию в отношениях между странами. Она внесла в эти отношения атмосферу тревоги и неуверенности»³. Нестабильность международного порядка была порождена угрозой со стороны всего трех государств: Германии, Японии и Италии, но национальный эгоизм других участников этих исторических событий не позволил эффективно воспрепятствовать реализации агрессивных планов⁴. И это при том, что даже сама коалиция агрессоров не была монолитной. Так, Италия все свои реальные внешнеполитические задачи решила к середине 1939 г. Внутренний же характер итальянского режима оставял широкие возможности воздействия на его внешнюю политику как со стороны Лондона и Парижа, так и со стороны Москвы. Другой участник оси — Япония глубоко увязла в китайско-маньчжурских проблемах. Реально динамичным агрессором являлась только Германия, где жесткая национал-социалистическая идеология служила инструментом консолидации режима и общества с ориентацией на внешнюю экспансию.

Республиканские войска на позиции при обороне Мадрида. Испания

Японская штурмовая группа на улице Шанхая. Китай

Выступление А. Гитлера в венском дворце Хофбург во время аншлюса Австрии

Советская внешняя политика в этот период была подчинена двуединой логике: страна готовилась к войне и вместе с тем старалась оттянуть во времени непосредственное вовлечение в конфликт. В отличие от Великобритании и Франции, «умиротворивших» А. Гитлера Рейнской зоной, Австрией и Судетами, то есть разрушивших версальские установления, СССР пошел в последующем на договоренности с Германией в ситуации гораздо более высокой военной угрозы собственной территории, в период лучшей подготовленности Германии к войне. Другими словами, мотивация действий советского руководства объективно была более резонансной, оправданной. Официально задачи СССР в области внешней политики ставились следующим образом:

«1. Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами мира (в т. ч. с Германией);

2. Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками»⁵.

Тем самым советское руководство выдвигало на первый план борьбу за национально-государственные интересы СССР в собственной трактовке. Оно заявило о стремлении проводить осторожную, прагматичную политику, по возможности оставаясь вне начавшейся империалистической войны, добиваться максимально выгодных договоренностей с потенциальными партнерами.

Уже к лету 1939 г. стало ясно, что создать систему коллективной безопасности с участием СССР в большей степени из-за позиции «миролюбивых» западных демократий не удастся. Поэтому Германия заняла приоритетное место в советском внешнеполитическом дискурсе.

Замена наркома М. М. Литвинова на В. М. Молотова в мае 1939 г. — символ перехода к другой внешнеполитической тактике. Предыдущая ставка на создание системы коллективной безопасности в Европе слишком долго не приносила ярких, видимых результатов, что и неудивительно, так как любое кропотливое дело не может сопровождаться перманентными и громкими триумфами. Более того, когда мюнхенским сговором был сломан один из немногих уже созданных, реальных механизмов системы коллективной безопасности — договорная «связка» Париж — Прага — Москва, политическому руководству СССР пришлось искать альтернативные решения в условиях угрозы внешнеполитической изоляции.

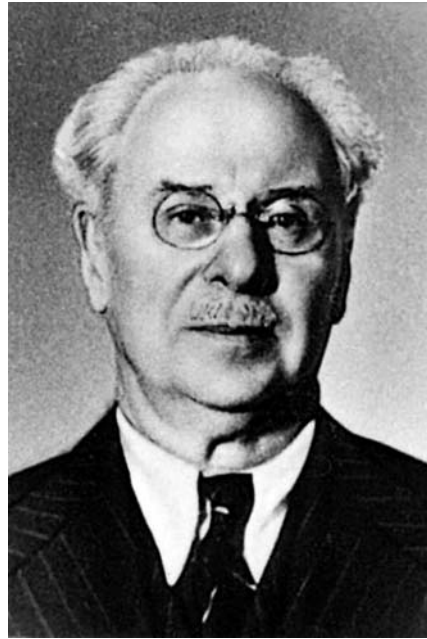
Вместе с тем стоит отметить, что был период (с марта по август 1939 г.) попыток Советского Союза совместить две линии в международных делах: поиск договоренностей с Великобританией и Францией и наращивание взаимодействия с Германией. Но здесь определенную негативную роль сыграли англо-французы, которые, не поняв дипломатического маневра советской стороны, сбавили обороты в поисках компромисса с Москвой.

И. В. Сталин пошел на контакты с Берлином, тем более что договоренности с гитлеровским режимом и даже соглашения с ним — это сценарий, который первыми опробовали западные демократии. Рассуждения о моральных соображениях советского руководства, впрочем как и руководства любой другой европейской страны в тот период, неуместны — слишком малую роль играли эти соображения для самих лидеров той эпохи.

У Советского Союза выбор потенциальных союзников оставался небогатым: Великобритания в связке с США или дальнейшее сохранение взаимодействия со странами оси. Со второй половины 1940 г. СССР возвратился к «перевернутому» сценарию марта — августа 1939 г.: с одной стороны, продолжалось сотрудничество с Германией, а с другой — началось восстановление контактов с Великобританией и США. Очевидно, что все это было построено на старой идее — получить выигрыш во времени и пространстве и оттянуть войну, а может быть, даже предотвратить ее. Другое дело, что этот выигрыш, вероятно, уже не казался И. В. Сталину столь очевидным, как в августе 1939 г., да и советский вариант соглашения с Германией становился все более проблематичным. Слишком большие военные и экономические силы воздействовали на внешнеполитическую машину Германии, притом сохранялся ее идеологический стержень — расширение жизненного пространства арийских народов. Почти миллионные силы вермахта по периметру СССР были явно избыточны для контроля над поверженными территориями и предназначены для дальнейшего похода на восток.

М. М. Литвинов

В. П. Потемкин

В. М. Молотов

А. Я. Вышинский

После назначения В. М. Молотова народным комиссаром иностранных дел⁶ прием дел осуществлялся в присутствии специальной комиссии в составе Л. П. Берии и Г. М. Маленкова⁷. Некоторое время спустя к ним присоединился заместитель Л. П. Берии по НКВД В. Г. Деканозов, который впоследствии был переведен на пост заместителя наркома иностранных дел. На «усиление» наркомата в феврале 1940 г. была брошена и такая одиозная личность, как бывший генеральный прокурор СССР и государственный обвинитель на больших процессах А. Я. Вышинский, ставший первым заместителем В. М. Молотова вместо известного дипломата В. П. Потемкина, назначенного на пост наркома просвещения РСФСР.

Вместе с тем в этот период прослеживается и стремление И. В. Сталина сохранить М. М. Литвинова в своем резерве. Об этом можно судить по телеграмме И. В. Сталина руководящим сотрудникам НКВД: «Сообщается для сведения. Ввиду серьезного конфликта между председателем СНК т. Молотовым и наркоминделом т. Литвиновым, возникшего на почве нелояльного отношения т. Литвинова к Совнаркому Союза ССР, т. Литвинов обратился в ЦК с просьбой освободить его от обязанностей наркоминдела. ЦК ВКП(б) удовлетворил просьбу т. Литвинова и освободил его от обязанностей наркома. Наркоминделом назначен по совместительству Председатель СНК Союза ССР т. Молотов»⁸.

Эта телеграмма была разослана в качестве циркулярной полпредам в наиболее важных странах, а также высшим руководителям центрального аппарата НКВД. Очевидно, что этот шаг имел своей целью не только информирование конкретных дипломатов, но и формирование установки для комментирования данного кадрового решения в их беседах с зарубежными представителями. Не используя в телеграмме формулировку относительно литвиновской увлеченности «англо-французским направлением», И. В. Сталин, вероятно, стремился заранее публично не демонстрировать намечавшееся расширение контактов с Германией. Но в то же время вина за происшедшее косвенно возлагалась и на В. М. Молотова, который не сработался со своим наркомом и оказался одной из сторон конфликта.

Новый нарком В. М. Молотов не был столь осторожным. Он объяснял свое назначение более серьезными — не тактическими, а идеологическими ошибками М. М. Литвинова. На собрании в наркомате в июле 1939 г. В. М. Молотов говорил следующее: «Товарищ Литвинов не обеспечил проведение партийной линии ЦК ВКП(б) в наркомате. Неверно определять прежний НКВД как небольшевистский наркомат... но в вопросе о подборе и воспитании кадров НКВД не был вполне большевистским, так как товарищ Литвинов держался за ряд чуждых и враждебных партии и Советскому государству людей и проявил непартийное отношение к новым людям, пришедшим в НКВД»⁹.

Личные свойства М. М. Литвинова, широкие профессиональные горизонты позволяли ему делать достаточно гибкой тактику советской дипломатии в рамках общего внешнеполитического курса. Что же касается В. М. Молотова, то первый год его работы в НКВД совпал с периодом чрезвычайной международной напряженности, да и отсутствие необходимого опыта не могло не сковывать действий нового главы советского внешнеполитического ведомства. Эта скованность выражалась в том, что директивы полпредам стали максимально сухими, слабовариативными, и сам В. М. Молотов в беседах с зарубежными представителями следовал заранее заготовленному и утвержденному сценарию. Это выглядело тем более странно, что полномочия председателя Совнаркома теоретически давали больше свободы действий, чем было у М. М. Литвинова.

Поставив во главе НКВД приближенного человека, И. В. Сталин был вынужден сам больше заниматься внешней политикой. Не стоит также сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что обязанности по СНК и участие в Политбюро занимали у В. М. Молотова определенную часть времени, и он объективно должен был нормировать время, отводимое наркомату. А стремление контролировать всё, не делегируя полномочий, вело к реальному торможению работы НКВД. Такой стиль работы стал передаваться и вниз по инстанциям наркомата. Полпреды в своих сообщениях в центр все меньше предлагали инициативных шагов, полпредства начали запрашивать у Москвы разрешения даже по рутинным вопросам. В концентрированном виде характерная безынициативность и стремление действовать по

указанию начальства проявлялись в действиях нового первого заместителя наркома А. Я. Вышинского¹⁰, который главным документом в своем общении с сотрудниками НКВД сделал рассылку записей проведенных им бесед.

В результате репрессий в НКВД сложилась сложная кадровая ситуация. М. М. Литвинов подробно изложил ее в записке, адресованной И. В. Сталину 3 января 1939 г.: «До сих пор вакантны места полпредов в 9 столицах, а именно: в Вашингтоне, Токио, Варшаве, Бухаресте, Барселоне, Ковно, Копенгагене, Будапеште и Софии. Если не вернется в Тегеран находящийся сейчас в СССР т. Черных, то получится 10-я вакансия. В некоторых из перечисленных столиц не имеется полпредов уже свыше года. Оставление на продолжительные сроки поверенных в делах во главе посольств и миссий приобретает политическое значение и истолковывается как результат неудовлетворительных дипломатических отношений... Благодаря отсутствию полпреда в Бухаресте мы не имеем решительно никакой информации о том, что происходит в Румынии... С Японией нам приходится вести все переговоры через японского посла, ибо наш поверенный в делах доступа к министру иностранных дел почти не имеет... Не лучше обстоит дело с советниками и секретарями полпредств. Имеется свободных вакансий: советников — 9, секретарей — 22, консулов и вице-консулов — 30 и других политических работников полпредств (заведующих отделами печати, аташе и секретарей консульств) — 46.

Некоторых полпредов мы не можем вызывать в Москву во исполнение решения ЦК ввиду отсутствия у них работников (в Афинах у полпреда нет ни одного человека) или таких, которым можно было бы поручить хотя бы временное заведование полпредством. Я уже не говорю о свободных вакансиях ответственных работников в центральном аппарате НКВД. Достаточно сказать, что из 8 отделов только 1 имеет утвержденного заведующего, а во главе остальных 7 находятся врио заведующих. Нет в НКВД, и в особенности в полпредствах, необходимого технического персонала... Со вчерашнего дня пришлось приостановить курьерскую службу, так как 12 курьерам не разрешают выезд за границу до рассмотрения их личных дел.

Такое положение создалось не только вследствие изъятия некоторого количества сотрудников НКВД органами НКВД. Дело в том что, как правило, почти все приезжающие в Союз в отпуск или по нашему вызову заграничные работники не получают разрешения на обратный выезд. Не получают разрешения на выезд за границу также большинство работников центрального аппарата НКВД. Немалое количество работников исключено парткомом из партии в порядке бдительности. Другие устраниваются от секретной работы («рассекречиваются»), а следовательно, теряют для НКВД всякую ценность, по распоряжению 7-го отдела НКВД. Подготовленная нами на курсах за последние годы смена также не получает возможности работать за границей. Новых подходящих работников мы за последнее время от ЦК не получаем. Набранные на курсы новые работники смогут стать на работу по окончании курсов лишь через полтора-два года...

Можно было бы свернуть полпредскую сеть... Но это даст не очень большую экономию, ибо придется иметь во всех столицах по крайней мере консульства. Да и политически вряд ли это удобно, ибо усилились бы толки о нашей самоизоляции и т. п.»¹¹.

По разным оценкам, в 1936–1940 гг. репрессиям подверглись приблизительно 2–2,5 тыс. сотрудников центрального аппарата и полпредств. Только в высшем звене были репрессированы семь заместителей наркома, более 40 полпредов, сменилось практически всё руководство оперативных отделов и управлений¹². Такое же положение было и во внешней и военной разведке. Следует отдать дань уважения самоотверженности всех сотрудников полпредств и разведки, снабжавших в подобных условиях центр информацией, необходимой для осуществления внешней политики.

Приход нового наркома ознаменовался так называемым «молотовским набором» дипломатов. 1939 г. — последний год предвоенных массовых репрессий в НКВД. Кадровые потери начали восполняться прежде всего из партийно-комсомольского актива передовых отраслей промышленности. В отличие от первых послереволюционных наборов здесь была и своя специфика: у советской власти уже появился небольшой резерв молодых ученых, преподавателей. Ярким примером выходцев из этой среды стал А. А. Громыко, пришедший в НКВД

из Академии наук СССР. 19 августа 1939 г. для ускоренной подготовки внешнеполитических кадров была учреждена Высшая дипломатическая школа (ВДШ), ныне Дипломатическая академия. ВДШ создавалась на базе ранее существовавшего Института подготовки дипломатических и консульских работников¹³. В ВДШ отбирались лица, имевшие, как правило, высшее образование. Школа представляла собой «специализированную аспирантуру», так как «по ее окончании слушатель получал право защиты кандидатской диссертации по истории международных отношений, истории внешней политики и международному праву»¹⁴.

Важным шагом стало приведение регламента внешних сношений СССР в соответствие с мировой практикой. Так, в течение всего послереволюционного периода дипломатические представители СССР именовались полномочными представителями, при этом в верительных грамотах указывался их класс в соответствии с Венским регламентом 1815 г. Между тем становилось все более очевидным, что «учреждение поста полпреда вместо ранее существовавших в России... наименований глав дипломатических представительств не принесло каких-либо политических выгод. Наоборот, это порой использовалось некоторыми странами в целях дискриминации советских дипломатов, которых пытались ставить ниже дипломатических представителей других государств»¹⁵. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1941 г. для советских дипломатических представителей были установлены три ранга. В указе говорилось, что «в целях установления для дипломатических представителей СССР рангов, общепринятых в международных дипломатических отношениях, и приведения этих рангов в соответствие со значением и объемом возлагаемых на дипломатических представителей СССР полномочий Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Установить для дипломатических представителей СССР, аккредитуемых при иностранных правительствах, ранги:

- а) Чрезвычайного и Полномочного Посла,
- б) Чрезвычайного и Полномочного Посланника,
- в) Поверенного в Делах».

Несомненно, приведение советской дипломатической службы и практики внешних сношений в соответствие с международными стандартами было необходимо. Так, те же протокольные несоответствия мировой практике создавали и проблемы содержательного характера. Государственным протоколом большинства стран в то время, впрочем, как и сейчас, была предусмотрена практика обмена краткими речами посла, вручающего свои верительные грамоты, и главы государства, эти грамоты принимающего. Такая процедура помогает сторонам «сверить часы», предоставляет послу возможность декларировать направления и приоритеты будущей работы, оценить в определенной степени работу своего предшественника. Принимающая сторона также может высказать свои ожидания, пожелания и озабоченности. Все это было не характерно для советской дипломатической практики. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин, как правило, речей не произносил и заявлений не делал, и несомненно, это сказывалось на динамике дипломатических отношений и вызывало недоумение, а возможно, и раздражение иностранных послов. Так, когда посол вишистской Франции Г. Бержери при посещении В. М. Молотова пожаловался на подобную процедуру, НКВД отреагировал в своей холодно-выдержанной манере, заявив, что «в СССР нет никаких ограничений по поводу заявлений при вручении верительных грамот. Если посол пожелает и если ему поручено, то он сможет сделать такое заявление»¹⁶. Очевидно, что послу иностранного государства не могут запрещать подобные действия, другое дело, что дипломатический протокол веками разрабатывался именно с целью поощрения и содействия содержательной части дипломатии.

Приход В. М. Молотова в какой-то степени повысил роль НКВД в системе органов власти Союза ССР. Это прежде всего связано с тем, что впервые после краткосрочного пребывания Л. Д. Троцкого на посту народного комиссара оказался представитель руководства коммунистической партии, более того, глава правительства. Так, Г. В. Чичерин никогда не входил в состав Политбюро, а в ЦК избирался уже в конце своей карьеры — в 1925 и 1927 гг. М. М. Литвинов членом ЦК стал в 1934 г.¹⁷, но не имел никаких шансов войти в состав Политбюро.

А. А. Громыко

Стоит отметить и такой факт, что НКВД при В. М. Молотове уже не имел функционального и политического соперника в лице Коминтерна и его исполкома, что осложняло жизнь предыдущих наркомов. Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала (ИККИ) оказался сильно ослаблен в 1936–1939 гг., а поворот в сторону налаживания контактов с Берлином значительно уменьшил роль Коминтерна в советской внешней политике.

В целом можно констатировать, что НКВД с приходом В. М. Молотова и далее под его руководством превращался во внешнеполитическое ведомство того типа, который в значительной степени был для него характерен на протяжении последующих пятидесяти лет. Из сравнительно небольшого учреждения, костяк которого составляли яркие и талантливые личности, зачастую знакомые друг с другом с дореволюционных времен, он становился большой государственной машиной, где в силу ее значительных масштабов функция играла большую роль, чем ее конкретный исполнитель.

Начало «молотовского периода» в дипломатии совпадает с мировыми тенденциями развития дипломатической службы. Ведомства иностранных дел во всех странах Западной Европы росли численно, причем прежде всего за счет кадров центрального аппарата, куда с развитием средств коммуникации стекалось все больше информации. Роль посольств и их автономность в такой ситуации начала снижаться, что продолжается и сейчас. Воздушный транспорт сделал более доступными визиты руководителей внешнеполитического ведомства непосредственно в интересующую страну. Расширились прямые контакты по линии специализированных ведомств (НКО, НКВД, НКВД — НКГБ), которые шли параллельно или независимо от посольских контактов и согласовывались с центральным аппаратом НКВД. Для большинства стран Европы период новой дипломатии наступил после Второй мировой войны, когда довоенные устои оказались сломаны мировой трагедией. В Советском Союзе этот процесс начался с приходом В. М. Молотова в НКВД, когда только отлаженная машина внешнеполитического ведомства могла частично компенсировать людские потери.

Начало нового этапа контактов СССР с западными странами, как правило, датируется 23 марта 1939 г., когда в Москву прибыл английский министр Р. Хадсон, формально отвечавший за внешнюю торговлю Великобритании, но тем не менее с самого начала его визит

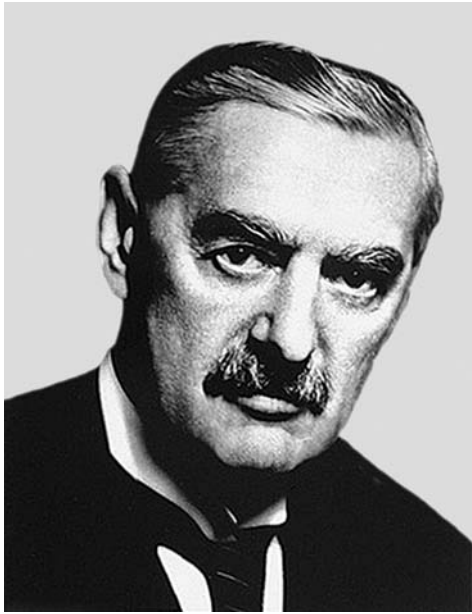
большинством наблюдателей расценивался как политическая миссия. К сожалению, коммюнике по итогам визита оказалось неутешительным, а его лейтмотив — справедливым и для последующих месяцев переговоров. В коммюнике говорилось, что «обе стороны выяснили свои позиции; при этом вскрылся ряд существенных разногласий».

Вместе с тем подчеркивалось, что «личный контакт, установленный между полномочным представителем британского правительства и членами советского правительства, несомненно, будет содействовать укреплению советско-британских отношений, а также международному сотрудничеству в интересах разрешения проблемы мира»¹⁸. В дальнейшем переговоры велись в трехстороннем формате: СССР — Великобритания — Франция, основываясь на постоянном контакте глав дипломатических представительств указанных стран (У. Сидс и П. Наджар, соответственно) с НКВД СССР. Последнее было не самым удачным дипломатически решением. Столь важные консультации требовали вмешательства в них более высокопоставленных лиц, но ни французское, ни британское правительства, где по-прежнему были сильны мюнхенские настроения, на это не пошли.

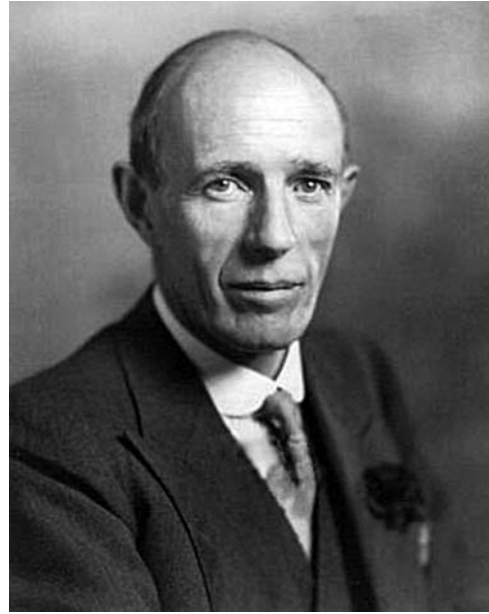
Необходимость большей инициативы со стороны западных демократий в тот момент была очевидна многим. «Не будет ли целесообразнее для ускорения переговоров, медлительность которых вызывает беспокойство, послать в Москву Галифакса, чтоб он мог непосредственно вести переговоры с Молотовым?» — такой прямой вопрос был задан британскому премьеру во время дебатов в Палате общин 19 мая 1939 г. Но ответ Н. Чемберлена был весьма показательным: «Я должен быть осторожным и не допускать ничего такого, что осложняет положение... Нам приходится обращаться не к одному лишь русскому правительству. Мы должны иметь в виду и правительства других стран»¹⁹. На настойчивые попытки депутатов уточнить, какие правительства он имеет в виду, премьер не ответил.

С приходом В. М. Молотова на пост наркома позиция СССР на переговорах с Англией и Францией стала более жесткой. Психологически и политически советское руководство готово было идти на переговоры с Германией, тем более что в конце мая 1939 г. Берлин предпринял инициативные шаги в этом направлении. Придерживаться линии на сотрудничество с Лондоном и Парижем Москву могли бы побудить только серьезные встречные шаги со стороны британских и французских правящих кругов. Ситуация в Европе говорила о том, что агрессоры становятся все более наглыми и сплоченными: 7 апреля 1939 г. Б. Муссолини вторгся в Албанию²⁰, а 22 мая в Берлине Германия и Италия подписали «Стальной пакт», который еще более упрочил их союз. «Неагрессивные» же страны оставались по-прежнему разрозненными. К концу мая СССР, Великобритания и Франция вышли на согласованное признание немедленного и автоматического характера взаимопомощи в случае агрессии. Советская сторона предлагала подписать трехсторонний обязывающий пакт, что было подчеркнуто В. М. Молотовым 31 мая 1939 г. в его выступлении на сессии Верховного Совета СССР.

В ходе переговоров можно выделить две основные проблемы: во-первых, перечень стран, подпадающих под трехсторонние гарантии, а во-вторых, вопрос о косвенной агрессии. Возникновение первой проблемы вполне логично, поскольку у каждой из сторон были свои предпочтения. СССР пытался внести в «гарантийный» список Латвию, Эстонию и Финляндию, но противниками таких гарантий выступали прежде всего правительства самих этих государств, опасавшиеся, что СССР может прийти им на помощь (и очевидно, что в силу своей близости сделает это более массивно и быстро, чем западные союзники), используя тот или иной предлог, связанный с германской угрозой. Великобритания и Франция, руководствуясь в какой-то степени именно этими соображениями, также не соглашались на подобные гарантии и увязывали свое согласие с советскими гарантиями Нидерландам и Швейцарии. Резонная позиция советской стороны о невозможности нашей действенной помощи столь удаленным странам восторжествовала. К концу июля 1939 г. стороны пришли к согласию по списку стран, которым предоставлялись гарантии: Бельгия, Греция, Латвия, Польша, Румыния, Турция, Финляндия, Эстония. Даже эта трудная проблема была решена в ходе переговоров, при этом стороны обсуждали достаточно жестко сформулированные, но вполне понятные и законные интересы.

Н. Чемберлен

Э. Галифакс

Разногласия возникли при обсуждении вопроса о косвенной агрессии. По советскому проекту дополнительного письма к тройственному соглашению, «выражение «косвенная агрессия» относится к действию, на которое какое-либо из указанных выше государств соглашается под угрозой силы со стороны другой державы или без такой угрозы и которое влечет за собой использование территорий и сил данного государства для агрессии против одной из договаривающихся сторон — следовательно, влечет за собой утрату этим государством его независимости или нарушение его нейтралитета»²¹. На Западе существовали опасения, что обязательства по противодействию косвенной агрессии могли бы быть использованы Советским Союзом для оправдания своего вмешательства в дела соседних стран. Вопрос о косвенной агрессии оказался слишком трудным для достижения компромисса, что, наверное, не случайно — к середине лета становилось все более очевидным, что наиболее вероятным объектом агрессии, причем прямой, может оказаться Польша. Соответственно, усилия трех держав — не столько всех вместе, сколько каждой по отдельности — концентрировались на Варшаве и векторе Варшава — Берлин.

В трехстороннем формате стороны решили перейти к практической стороне обеспечения гарантий и начали переговоры по военным вопросам. Решение об этом было принято 23 июля 1939 г., а собственно переговоры начались 12 августа. Очевидно, что на тот момент — с выбором восточного направления в агрессивной политике фашистской Германии — военная угроза была более актуальной для СССР, отсюда и соответствующая реакция. Великобритания и Франция, понимая, что военная угроза от них гораздо дальше, а политико-дипломатическая подготовка активных шагов А. Гитлера на западном направлении гораздо слабее, к военным переговорам отнеслись менее ответственно.

К предстоящим переговорам стороны подходили по-разному. Советская военная миссия была представлена наркомом обороны К. Е. Ворошиловым, начальником Генерального штаба Б. М. Шапошниковым, командующими ВВС и ВМФ. Французскую делегацию возглавлял член военного совета генерал Ж. Думенк, британскую — отставной адмирал Р. Дракс, не имевший письменного мандата на ведение переговоров и заключение соглашения. Англичане были настроены на затягивание переговоров, они добирались до СССР морем, а инструкции

предписывали Р. Драксу вести переговоры «как можно медленнее», в отношении военного соглашения он был инструктирован «ограничиться как можно более общими формулировками»²². 8 августа 1939 г. посольство США в Лондоне было проинформировано, что английская военная миссия в Москве получила указание «предпринять все усилия, чтобы тянуть с переговорами до 1 октября»²³. Французская миссия, наоборот, получила указания «прийти к соглашению как можно скорее, не увязая в деталях»²⁴.

В связи с этим вполне обоснованно в инструкциях к переговорам, имевшихся у К. Е. Ворошилова, говорилось о необходимости выяснения полномочий переговорщиков²⁵. Кроме того, советскому руководству было известно, что британский премьер выступал противником какого-либо обязательного договора с СССР. В это время в Лондоне велись переговоры с Германией, сообщения о которых появились в печати. Так, с 18 по 21 июля 1939 г. ближайший советник Н. Чемберлена Г. Вильсон вел переговоры с эмиссаром Г. Геринга Г. Вольгатом. В развитие мюнхенской сделки обсуждалась широкая программа англо-германского сотрудничества в военно-политической и торгово-экономической сферах. Предлагалось согласовать «сферы особых интересов». В Лондоне в обмен на обещание от посягательств Третьего рейха готовы были отказаться от гарантий Польше и Румынии, а также убедить Францию отказаться от договора взаимопомощи с СССР²⁶. Полпред И. М. Майский сообщал из Лондона, что англо-германские переговоры свидетельствовали о стремлении британского правительства договориться с Германией оставить «в покое Запад и повернуться лицом к Востоку»²⁷.

Переговоры в Москве стали буксовать с первых дней. Ключевым стал вопрос о пропуске Красной армии на территорию Польши и Румынии в случае нападения на эти страны. В Великобритании и Франции хорошо понимали значение этого фактора. Британский генеральный штаб подчеркивал: «Необходимо приложить все усилия, чтобы побудить Польшу и Румынию согласиться на использование русскими войсками их территории... без немедленной и эффективной помощи поляки смогут оказывать сопротивление в течение ограниченного времени... Заключение договора с Россией представляется лучшим средством предотвращения войны»²⁸. Но Форин-офис не воспользовался этой рекомендацией.

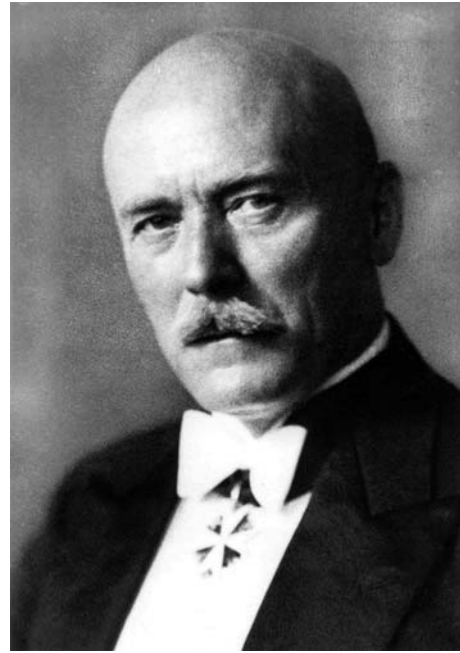
Постановка вопроса о «польском транзите» для советских войск и отсутствие ответа со стороны западных держав вместе с другими причинами привели к свертыванию миссии. Другой причиной было то, что на момент ведения переговоров ни Лондон, ни Москва, ни Париж не прекращали обдумывать запасные сценарии договоренностей с Германией. Берлин для всех трех столиц оставался политическим контрагентом на европейской арене, неудобным, но контрагентом, а не изгоем, как того заслуживал нацистский режим, не скрывавший содержания своей идеологии и внешнеполитической программы.

Тем временем Германия все активнее предлагала Советскому Союзу решить вопрос о коренном улучшении политических отношений между двумя странами. 2 августа 1939 г. министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп пригласил советского поверенного в делах Г. А. Астахова и заявил о готовности Берлина урегулировать противоречия, в том числе посредством подписания секретного протокола²⁹. О том же заявил В. М. Молотову и германский посол в Москве Ф. фон Шуленбург. В это время Германия завершала подготовку к нападению на Польшу, и военно-политическому руководству Третьего рейха было важно заручиться гарантией невмешательства СССР в эту войну. Однако Советский Союз не спешил вступать в переговоры. В Берлине понимали, что единственным способом нейтрализовать Советский Союз (а заодно и сорвать московские переговоры) было предложить ему такие гарантии, в том числе и территориальные приобретения, которые могли бы ослабить опасения военного столкновения с Германией³⁰. Несмотря на заманчивость такого предложения, советское руководство не спешило, даже после того как 11 августа состоялось решение Политбюро ЦК ВКП(б) о начале официальных контактов с Берлином по всем указанным вопросам.

В результате зашедших в тупик переговоров — формально из-за отказа Польши пропустить советские войска через свою территории навстречу германским армиям — возникли подозрения, в том числе и у советской стороны, о способности и готовности западных стран совместно выступить против фашистской Германии. Это грозило ситуацией, что Советский

И. фон Риббентроп

Ф. фон Шуленбург

Союз может остаться один на один с самой тогда могущественной военной машиной Германии, к которой могли присоединиться и другие страны. В условиях военного конфликта с Японией на реке Халхин-Гол это означало бы войну на два фронта³¹. Английский историк Дж. Робертс так оценивает сложившуюся в то время ситуацию: «Сталин не верил, что Великобритания и Франция всерьез намерены вести войну с Гитлером. Наоборот, он опасался, что переговоры были для них только искусным маневром, посредством которого они хотели заставить СССР вести войну за них»³².

Миссия французского генерала Ф. Мюсса, имеющая целью убедить польское руководство согласиться на пропуск советских войск, не увенчалась успехом. И все же 21 августа 1939 г. французское правительство распорядилось подписать в Москве военную конвенцию, но ответа из Варшавы и Лондона не последовало. Позднее из британских источников стало известно, что 23 августа планировался прилет Г. Геринга в Великобританию для встречи с Н. Чемберленом и «урегулирования разногласий» на англо-германских переговорах³³. Лишь во второй половине дня 23 августа, когда уже было объявлено о предстоявшем визите И. фон Риббентропа в Москву, польский министр иностранных дел Ю. Бек, которому французы поставили ультиматум, сообщил, что в случае нападения Германии на Польшу сотрудничество с СССР не исключается³⁴. Телеграмма во французское посольство прибыла лишь 24 августа³⁵.

Еще 21 августа А. Гитлер отправил экстренное личное послание И. В. Сталину, где, ссылаясь на нетерпимое «напряжение между Германией и Польшей», предложил срочно направлять в Москву министра И. фон Риббентропа для заключения договора о ненападении и секретного протокола к нему. Советское руководство должно было сделать выбор: с одной стороны, затяжные переговоры с Великобританией и Францией в условиях надвигавшейся войны Германии с Польшей, угрозы изоляции СССР и войны на два фронта без союзников, с другой — укрепление собственной безопасности путем заключения соглашения с Германией. Не ставя крест на переговорах с англичанами и французами, И. В. Сталин принял решение о приезде И. фон Риббентропа в Москву³⁶.

В ночь с 23 на 24 августа 1939 г. договор о ненападении сроком на 10 лет был подписан в Москве наркомом В. М. Молотовым и министром И. фон Риббентропом. Его содержание было стандартным и соответствовало другим договорам о ненападении, заключавшимся Советским Союзом, за исключением второй статьи: «В случае если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая договаривающаяся сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу»³⁷. Это позволяло СССР остаться в стороне от немецко-польской войны. А статья четвертая исключала продолжение тройственных переговоров в Москве и участие СССР в любой коалиции против Германии. Эта статья противоречила положениям Антикоминтерновского пакта, а сам договор не был согласован с Японией, что вызвало обострение германо-японских отношений.

К договору прилагался секретный протокол о разграничении сфер интересов Германии и СССР, состоявший из трех пунктов. Второй пункт касался непосредственно Польши: «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана». Таким образом, сфера действий германских войск не распространялась на восточную часть Польши — Западную Украину и Западную Белоруссию, населенные преимущественно украинцами и белорусами. Согласно первой статье аналогичная линия проводилась и по северной границе Литвы (в то время она не имела общей границы с СССР). Это означало, что Германия не будет покушаться на северо-западных соседей Советского Союза — Финляндию, Латвию и Эстонию. Де-факто признавалась принадлежность Литве Виленской области с городом Вильно, оккупированной поляками в 1920 г. В третьем пункте был зафиксирован интерес Советского Союза к Бессарабии³⁸.

Советско-германский договор о ненападении с секретным проколом был для советской стороны вынужденным решением. «Геополитические преимущества этого соглашения были неоспоримы: Сталину удалось получить от Гитлера много больше, чем мог предложить ему демократический Запад. Хотя бы на время была ослаблена германская угроза. Заключение советско-германского договора о ненападении в нарушение Антикоминтерновского пакта заставило Японию отказаться от планов войны с СССР, что на время устранило угрозу войны на два фронта. На западных границах СССР возникали благоприятные условия для последующего воссоединения Прибалтики³⁹, Западной Украины и Западной Белоруссии с СССР, не говоря уже о Бессарабии. Главный стратегический выигрыш состоял не столько во времени — предотвращении или отсрочке германского нападения на СССР (которое тогда еще не значилось в оперативных военных планах Гитлера), сколько в пространстве, позволившем, по словам Молотова, «отдалить германские войска» от прежних советских границ. Советское геостратегическое пространство, выдвинутое до 350 км на запад, теперь обеспечивало возможности для наращивания глубины обороны, необходимой для защиты страны»⁴⁰.

Советско-германский договор вызвал беспрецедентную по масштабам реакцию в мире. Полпред СССР в Великобритании И. М. Майский, для которого события 23 августа тоже оказались неожиданными, писал в своем дневнике: «Вчера поздно ночью в Москве подписан пакт о ненападении между СССР и Германией... Наша политика явно делает какой-то крутой поворот, смысл и последствия которого мне пока еще не вполне ясны. Надо подождать дальнейших сведений из Москвы. В городе смятение и негодование. Особенно неистовствуют лейбористы. Они обвиняют нас в измене принципам, в отказе от прошлого, в протягивании руки фашизму... Смушаться, однако, не приходится. Надо показать выдержку и спокойствие. Лейбористы перебесятся. «И это пройдет!» Консерваторы держатся много спокойнее. Они никогда всерьез не верили ни в Лигу Наций, ни в коллективную безопасность и сейчас гораздо проще воспринимают возврат Европы к политике «национального интереса». Точно возвращаются домой из «дворца мира» — высокого, торжественного, но страшно неудобного и непривычного для них здания»⁴¹.

Подписание договора о ненападении между СССР и Германией. г. Москва, 23 августа 1939 г.

22 августа 1939 г., накануне подписания советско-германского соглашения, секретариат исполкома Коминтерна принял следующее решение: «Рекомендовать партиям перейти в наступление против буржуазной и социал-демократической печати со следующей установкой: а) эвентуальное заключение пакта о ненападении между СССР и Германией не исключает возможности и необходимости соглашения между Англией, Францией и СССР для совместного отпора агрессорам... в) СССР — решительный противник агрессоров, друг чехословацкого народа и Испанской Республики, преданных Англией и Францией, защитник народов, борющихся за свою независимость, много месяцев уже добивается соглашения с Англией и Францией для совместных действий против агрессоров. Английское и французское правительства сознательно затягивали переговоры, старались использовать переговоры с СССР как средство, чтобы добиться компромисса с Германией за счет СССР. Под их влиянием Польша отклонила возможную эффективную помощь СССР. Люди Мюнхена — Чемберлен и Бонне — являются главным препятствием для заключения соглашения между Англией и Францией... и СССР.. г) своей готовностью заключить с Германией пакт о ненападении СССР помогает соседним малым Прибалтийским странам и действует в защиту всеобщего мира; д) этим СССР срывает планы буржуазных, реакционных кругов и капитулянтов Второго Интернационала, стремящихся направить агрессию против страны социализма; е) СССР разъединяет агрессоров, освобождает себе руки против агрессии Японии и в деле помощи китайскому народу; ж) ...переговоры с Германией могут понудить правительства Англии и Франции перейти от пустых разговоров к скорейшему заключению пакта с СССР»⁴².

ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ.

Правительство СССР и
Правительство Германии

Руководимые желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года, пришли к следующему соглашению:

Статья 1.

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II.

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется об'ектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья III.

Правительства обоих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья 1У.

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья У.

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода, обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта .

Статья У1.

Настоящий договор заключается сроком на десять лет с тем, что поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья УП.

Настоящий договор подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках в Москве, 23 августа 1939 года.

По уполномочию
Правительства ССР За Правительство
Германии:
Вильгельм *В. В. Вильгельм*

Судя по дневнику временного поверенного в делах СССР в Японии Н. И. Генералова, пункт о разъединении агрессоров совпал с ощущением ситуации, которое было у союзников Германии — Японии и Италии. За 23 августа в дневнике имеется следующая запись: «Газеты буквально заполнены вопросом предстоящего подписания пакта о ненападении между СССР и Германией... Нужно отметить общую растерянность прессы... Пресса почти вся целиком обрушилась на МИД и правительство за то, что они благодаря своим бессмысленным и длительным обсуждениям мероприятий по европейским делам проморгали этот важный шаг... Следующий момент, на который следует указать, это отмечающийся всеми большой удар по японо-германским отношениям, и в частности по Антикоминтерновскому соглашению в той его части, которая направлена против СССР. Небезынтересно и то, что газеты, правда, в очень осторожной форме, но сразу же начали обсуждать возможность заключения такого же пакта между Японией и СССР». Напомним, что как раз 20 августа 1939 г. советские и монгольские войска перешли в решительное наступление у реки Халхин-Гол, 23 августа окружили 6-ю японскую армию, а к 28 августа завершили ее разгром.

25 августа Н. И. Генералов отмечал в своем дневнике: «В газетах прямо указывается на то, что проводившаяся до сих пор Японией внешняя политика потерпела крах... Для Японии сейчас не остается иного пути, как только изменить ее... Провал внешней политики и необходимость изменения таковой стараются объяснить не результатом провала японской авантюры в Китае, а «вероломством» Германии, отказавшейся «от антикоминтерновских принципов»... В связи с этим... ставится вопрос: в каком направлении должна Япония вести свою будущую внешнюю политику... Здесь имеются лишь два пути, каждый из которых диаметрально противоположен другому... Первый путь состоит в том, чтобы изменить политику по отношению к СССР в сторону улучшения... Однако вряд ли Япония пойдет по этому пути... Вступление на него было бы равносильно признанию провала японской авантюры в Китае, от которой ни военщина, ни дворцовые круги пока не думают отказываться... Поэтому наиболее вероятным путем этой «новой» внешней политики Японии будут попытки сближения ее с Англией... Однако нужно отметить, что этот второй путь содержит в себе не меньшие противоречия, которые не позволят Японии легко договориться с Англией и Америкой... Если Япония не откажется от своего намерения установить новый порядок в Азии, то при ее попытках сближения с Англией, Америкой и Францией последние предложат Японии восстановить довоенный порядок в Китае»⁴³.

Такое воздействие на Японию договора о ненападении также можно считать еще одним выигрышем. Пакт продемонстрировал Токио, что пафос «антикоминтерновского» союза не очень заботит Германию. А поражение на Халхин-Голе заставило японцев глубже задуматься о собственных интересах.

Как ни парадоксально, но самая невнятная реакция на пакт была из Варшавы. Это, по всей видимости, объясняется тем, что Польша находилась в плену, как минимум, трех налицествовавших в Варшаве иллюзорных сценариев. Первый из них, укрепившийся в сознании польского руководства, восходил еще к 1934 г., когда был подписан польско-германский протокол о мирном разрешении споров, и основывался на уверенности в том, что Польша скорее союзник Германии, чем ее противник. Тем более что от реализации агрессивных германских планов Польша получила и свои «крохи» в виде передачи ей чехословацкой Тешинской области.

Кроме того, советскому руководству были известны планы Польши, предлагавшей Гитлеру свои услуги по овладению Украиной. Еще в январе 1939 г. польский министр иностранных дел Ю. Бек после переговоров с Берлином заявил «о полном единстве интересов в отношении Советского Союза»⁴⁴. В то же время советская внешняя разведка сообщила о переговорах Ю. Бека с И. фон Риббентропом, в ходе которых Польша выразила готовность присоединиться к Антикоминтерновскому пакту при условии, если Германия поддержит ее претензии на Украину и выход к Черному морю⁴⁵.

Второй иллюзорный сценарий, который, впрочем, при более благоприятных обстоятельствах имел шанс стать реальным, предусматривал помощь западных стран Польше. 25 августа

1939 г. было подписано польско-британское соглашение о взаимопомощи с секретным (конфиденциальным) протоколом⁴⁶, но оно отсрочило войну только на пять дней — с предполагаемого 26 августа до 1 сентября. Гитлер считал, что если ему без дипломатического боя сдали Чехословакию, то и за Польшу Запад не станет драться. А без участия в такой военной кампании СССР и Франции для Лондона она становилась просто нереальной.

Как известно, соглашению предшествовали английские гарантии безопасности Польши, которые были объявлены Н. Чемберленом еще 31 марта 1939 г. в Палате общин. Все это было направлено на воспрепятствование очередному агрессивному акту Германии и укрепление пошатнувшегося после Мюнхенского соглашения авторитета Великобритании. Впоследствии британский военный историк Б. Лиддел Гарт заявил: «Гарантии Польше были весьма верным способом ускорить взрыв и начало мировой войны»⁴⁷.

Соглашение от 25 августа 1939 г. гарантировало независимость Польши, а не сохранность ее территориальной целостности. Эту особенность отметила британская пресса сразу после выступления Н. Чемберлена в Палате общин, а также подчеркивают и современные историки. Некоторые из них делают вывод о том, что «британская политика была направлена на заключение нового четырехстороннего пакта с исключением из его состава СССР», а также о сопричастности Великобритании к началу Второй мировой войны⁴⁸.

В секретном протоколе к англо-польскому соглашению от 25 августа 1939 г. перечисляются страны и территории (Данциг, Бельгия, Голландия, Румыния, Литва, Латвия, Эстония, Венгрия) как жизненно важные и относящиеся к сфере политических интересов договаривающихся сторон. Причем защита интересов Латвии и Эстонии предоставлялась в равных долях Польше и СССР⁴⁹, хотя последний был включен без его ведома.

К началу войны в Европе внешнеполитическая обстановка существенно изменилась. Фашистской Германии и ее союзникам противостояли разрозненные силы англо-франко-польской коалиции. В результате политики советского руководства в предвоенные годы удалось обезопасить страну от втягивания в войну, отвести японскую угрозу на Дальнем Востоке, но, к сожалению, не уберечь страну от нацистской агрессии. Кроме того, произошло ослабление роли Советского Союза как политического лидера в борьбе с фашизмом. Германия избежала войны на два фронта, надеясь на нейтралитет Англии и Франции в войне с Польшей.

Накануне Второй мировой войны «Сталин не только не планировал развязать войну, он опасался, что он сам и его режим станут главными жертвами крупного военного конфликта. Именно это в конечном итоге подтолкнуло его поставить все на соглашение с Гитлером: такое соглашение не гарантировало мир и безопасность, но оно давало больше всего шансов рассчитывать на то, что Советский Союз не окажется втянутым в войну. Несомненно, как и все остальные, Сталин ожидал, что если Великобритания и Франция объявят Германии войну, то начнется затяжной военный конфликт, война на истощение, которая даст Советскому Союзу время и возможность укрепить оборону. Он был слишком осторожен, чтобы поставить все на простое повторение сценария Первой мировой войны»⁵⁰.

Начало Второй мировой войны и позиция СССР

1 сентября 1939 г. фашистская Германия совершила агрессивное вооруженное нападение на Польшу. 3 сентября, выполняя свои союзнические обязательства, Великобритания и Франция объявили войну Германии. В войну вступили британские доминионы (Канада, Австралия, Южно-Африканский Союз, Новая Зеландия), а также все колониальные владения Англии и Франции. Так началась Вторая мировая война.

Советское руководство в своих внешнеполитических акциях руководствовалось советско-германским договором о ненападении и заняло позицию нейтралитета.

Немецкие солдаты ведут бой на окраине польского города Пабианице

Заместитель командующего армией «Варшава» генерал-майор Тадеуш Кутшеба
на переговорах о капитуляции гарнизона Варшавы

Польские и немецкие офицеры в вагоне на переговорах о капитуляции Варшавы

Солдаты вермахта проходят мимо указателя на дороге в районе Львова

Объявив Германии войну, Англия и Франция не предприняли сколько-нибудь активных боевых действий. Тем самым Польша, рассчитывавшая на помощь союзников, была обречена. В целом за две недели боев действующая польская армия лишилась половины своего личного состава. 12 сентября моторизованные германские части находились уже в районе Львова⁵¹. К концу сентября поражение польских вооруженных сил стало свершившимся фактом. Декретами А. Гитлера от 8–12 октября 1939 г. Польское государство было ликвидировано, западная часть тогдашней Польши присоединена к Германии, а на оставшейся территории создавалось «генерал-губернаторство польских областей». Основой политики гитлеровцев стало уничтожение польской государственности, геноцид польского и еврейского населения.

В столь катастрофических условиях польским руководящим кругам все же удалось 30 сентября сформировать правительство в эмиграции.

Фашистская Италия, не успевшая завершить подготовку к войне, заняла позицию невоюющего союзника Германии. А Япония заявила, что не будет вмешиваться в нынешнюю войну в Европе.

С началом Второй мировой войны остро встал вопрос о внешнеполитической ориентации Турции. Анкара пыталась вести переговоры с Советским Союзом об ограниченном военно-политическом сотрудничестве в районе Балкан и Черного моря. Однако германское руководство, по сути, сорвало возможные советско-турецкие договоренности. Миссия министра иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу в Москву в октябре 1939 г. оказалась безрезультатной⁵². В итоге дипломатических маневров 19 октября был подписан тройственный договор о взаимопомощи между Турцией, Великобританией и Францией, подразумевавший агрессию европейской державы против одного из участников договора в районе Средиземноморья и Балкан. Правда, по настоянию Анкары действие договора не распространялось на ситуации, способные вовлечь Турцию в вооруженный конфликт с СССР.

Советское руководство пыталось воспрепятствовать заключению этого договора. Во время беседы И. В. Сталина и В. М. Молотова с Ш. Сараджоглу нарком заявил: «Мы ознакомились с проектом англо-франко-турецкого пакта о взаимопомощи. Мы внимательно также старались изучить статьи этого договора и пришли к выводу, что для нас не совсем ясно назначение этого документа в целом, т. е. против кого именно будет направлен этот пакт о взаимной помощи, заключаемый Турцией с Англией и Францией. Мы хотели бы знать, насколько Турция связана необходимостью вести эти переговоры как с англичанами, так и с французами и как далеко Турция зашла в этих переговорах. Мы хотели бы знать также, насколько турецкое правительство считает для себя обязательным заключение этого пакта с англичанами и французами и не лучше ли было бы этого пакта не заключать»⁵³. Однако помешать сближению Турции с Англией и Францией советское руководство не смогло.

США оставались вне войны до декабря 1941 г., хотя и поддерживали англо-французскую коалицию⁵⁴.

Стремясь закрепить завоевания рейха в Европе и вывести Англию из войны, А. Гитлер в октябре 1939 г. выступил со своими «мирными предложениями». Он заявил, что Польша, созданная Версальским мирным договором, не имеет никаких шансов возродиться. Нацистский фюрер заверял, что он не намерен выдвигать каких-либо требований в отношении Великобритании и Франции, за исключением более справедливого раздела колониальных владений. Он обвинял Англию и Францию в развязывании и затягивании войны. Однако британские и французские руководители отвергли его попытки добиться признания германской гегемонии в Европе.

В начальный период Второй мировой войны внешняя политика СССР основывалась на советско-германском договоре о ненападении, заключенном в августе 1939 г. Руководство Советского Союза стремилось извлечь для себя максимум выгод, формально оставаясь вне войны. К середине сентября 1939 г., когда германские войска пересекли границу «сфер интересов Германии и СССР», советское руководство заявило: «Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что Польское государство и его

правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может больше нейтрально относиться к этим фактам»⁵⁵.

В сложившейся ситуации части Красной армии получили приказ вступить на территорию Польши и занять восточную часть страны — территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Почти не встречая сопротивления польских войск, Красная армия за 12 дней продвинулась на запад на 250–350 км⁵⁶. Советское государство получило территориальный выигрыш, но одновременно Польша перестала существовать в качестве буфера между СССР и Германией. Нацистский рейх укрепил свое положение в Европе и приобрел границу с Советским Союзом, которая, однако, могла бы оказаться на 250–350 км восточнее, если бы СССР остался безучастным в отношении происходивших событий.

Завершение вооруженных действий и ликвидация независимой Польши породили целый ряд вопросов, требовавших разрешения советским и германским руководством. И. В. Сталин предложил передать Германии Люблинское воеводство и западную часть Варшавского воеводства (до Буга), а за это немцы согласились бы включить Литву в сферу интересов СССР.

27 сентября 1939 г. начались переговоры вновь прибывшего в Москву министра иностранных дел Германии И. фон Риббентропа с главой советского правительства и наркомом иностранных дел В. М. Молотовым. В переговорах принял участие И. В. Сталин. В результате на следующий день, 28 сентября, был подписан договор о дружбе и границе между СССР и Германией, в котором было заявлено: «Правительство СССР и германское правительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям... Обе стороны признают установленную в статье 1 границу обоюдных государственных интересов окончательной и устранят всякое вмешательство третьих держав в это решение»⁵⁷. Граница проходила по линии западнее Гродно, Белостока, немного западнее Бреста, в основном по рекам Сан и Буг.

Подписанный при этом дополнительный протокол во изменение договоренностей 23 августа включил территорию Литвы в сферу интересов СССР, а дополнительную часть территории Польши — в сферу интересов Германии. В другом дополнительном секретном протоколе обе стороны обязались не допускать на своих территориях никакой польской агитации, враждебной в отношении другой стороны⁵⁸.

В связи с присоединением Западной Украины и Западной Белоруссии у Советского Союза осложнились отношения с эмигрантским правительством Польши, ухудшились отношения с Великобританией и Францией. У СССР появилась непосредственная граница с фашистской Германией.

По секретным советско-германским соглашениям от 23 августа и 28 сентября 1939 г. Эстония, Латвия и Литва, а также Финляндия входили в сферу интересов Советского Союза. В конце сентября — начале октября советское руководство оказало усиленный нажим на правительства трех Прибалтийских государств, добиваясь от них заключения двусторонних пактов о взаимопомощи с правом для СССР иметь на территории этих стран военные базы и размещать там свои воинские гарнизоны. В результате пакт о взаимопомощи СССР с Эстонией был подписан 28 сентября, с Латвией — 5 октября, договор о передаче Литовской Республике города Вильно и Виленской области, которые раньше принадлежали Польше, и о взаимопомощи между СССР и Литвой — 10 октября. По этим договорам обе стороны обязывались оказывать друг другу всяческую помощь, в том числе и военную, в случае прямого нападения или угрозы нападения со стороны одной из великих европейских держав.

По донесению временного поверенного в делах СССР Н. Г. Позднякова, Литва праздновала это событие: «С утра весь город (Вильно. — *Прим. ред.*) украсился государственными

флагами... Люди... поздравляли друг друга»⁵⁹. Посол США в Литве О. Норем сообщил «о праздничном колокольном звоне» и о том «воодушевлении, с которым встречено сообщение о возвращении Вильно», и о готовящихся праздничных манифестациях⁶⁰.

Советский Союз передал Литве и ту небольшую территорию, которая по советско-германскому соглашению попадала в сферу интересов Германии, выкупив ее у Германии. Еще до ввода фашистских войск в эту часть Южной Литвы, 13 июля 1939 г., В. М. Молотов сообщил Ф. фон Шуленбургу, что Советский Союз «просит германское правительство найти возможность отказаться от этого небольшого куска территории Литвы». В результате переговоров советское правительство выкупило эту территорию за 7,5 млн золотых долларов, или 31,5 млн марок. Часть суммы была погашена задолженностью Германии, другая — поставками зерна⁶¹.

Эстония, Латвия и Литва предоставили СССР право иметь на их территории военные и военно-морские базы, а также размещать на этих базах гарнизоны численностью до 20–25 тыс. человек⁶². Британский министр иностранных дел Э. Галифакс признавал, что договоры Советского Союза с Эстонией, Латвией и Литвой «стабилизировали отношения и явились вкладом в дело укрепления мира в Восточной Европе»⁶³.

Пакты о взаимопомощи были целесообразной и оправданной мерой в условиях войны, обеспечивая государственные интересы СССР в Балтийском регионе. Заключение договоров СССР о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой стало частью установления контроля Советского Союза над его сферой влияния. «Мы думаем, — говорил И. В. Сталин Г. Димитрову 25 октября 1939 г., — что в пактах о взаимопомощи (Эстония, Латвия, Литва) нашли ту форму, которая позволяет нам поставить в орбиту Советского Союза ряд стран. Но для этого нам надо выдержать — строго соблюдать их внутренний режим и самостоятельность. Мы не будем добиваться их советизирования»⁶⁴.

О соответствии этих договоров нормам международного права свидетельствует тот факт, что эти пакты по просьбе МИД Прибалтийских стран были зарегистрированы в Лиге Наций⁶⁵. В сообщении литовского посланника во Франции главе МИД Литвы о закрытом совещании послов Прибалтийских стран в Париже 28 ноября 1939 г. говорилось: «Русские гарнизоны не вызвали никаких недоразумений, не создали каких-либо затруднений. Кроме того, советские войска в Эстонии платят за товары английскими фунтами или долларами, а это положительно сказывается на финансах в то время, когда в стране не хватает валюты. У латыша также нет никаких неблагоприятных известий о русских»⁶⁶.

Сразу после подписания договора о дружбе и границе советское и германское правительства выступили с совместным заявлением. Они утверждали, что урегулирование ими вопросов, возникших в результате распада Польского государства, создало основу для прочного мира в Восточной Европе и для скорейшего завершения войны между Германией с одной стороны и Англией и Францией — с другой. Правительства двух стран заявили: «Если, однако, эти усилия обоих правительств останутся безуспешными, то таким образом будет установлен факт, что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны, причем в случае продолжения войны правительства Германии и СССР будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах»⁶⁷.

30 ноября 1939 г. И. В. Сталин в ответе на вопрос редактора газеты «Правда» заявил: «Не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну». Он утверждал, что «правлящие круги Англии и Франции грубо отклонили как мирные предложения Германии, так и попытки Советского Союза добиться скорейшего окончания войны»⁶⁸.

Советская сторона тщательно выполняла взятые на себя обязательства. Последний товарный поезд пересек германскую границу в ночь на 22 июня 1941 г., за несколько часов до нападения нацистского рейха на СССР. Поставки в Германию включали промышленную технологию и оборудование, а также военные материалы, при этом германская сторона стремилась всячески тормозить ответные поставки Советскому Союзу⁶⁹.

Меры по укреплению безопасности СССР

Начавшаяся Вторая мировая война резко изменила ситуацию на северо-западных рубежах СССР. Обострение обстановки потребовало в первую очередь принятия мер для защиты Ленинграда. Граница Советского Союза с Финляндией проходила всего в 32 км от этого важнейшего политического и экономического центра СССР. Учитывая это, советское руководство приняло решение продолжить проходившие с февраля 1937 г. переговоры с Финляндией и добиться укрепления безопасности своих северо-западных границ. Однако расхождение в политике двух стран затрудняло переговорный процесс. Осложнения во взаимоотношениях с Финляндией произошли еще во время гражданской войны, которая охватила эту страну в 1918 г. и закончилась победой сил, поддержанных немецкими войсками, что сыграло решающую роль в закреплении прогерманской линии во внешней и военной политике Финляндии⁷⁰.

Активизация германо-финляндских контактов произошла летом 1939 г., когда Финляндию посетил начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта Ф. Гальдер. В своем отчете он написал, что финские военные, несомненно, являются сторонниками Германии⁷¹. Посещение Ф. Гальдером Карельского перешейка еще больше обострило советско-финляндские отношения.

Советский Союз, используя договоренности с Германией, согласно которым Финляндия входила в его сферу интересов, в октябре 1939 г. предложил по дипломатическим каналам заключить между двумя странами оборонительный союз, договор о взаимной помощи и на его основе решить другие вопросы безопасности. Переговоры, начавшиеся 12 октября, продолжались с перерывами в течение месяца. Вопрос о заключении договора, аналогичный тому, что был подписан с Латвией, Эстонией и Литвой, не рассматривался, так как финляндская сторона это предложение категорически отвергла⁷².

Переговоры были весьма острыми. Советская сторона требовала передать СССР ряд островов Финского залива, часть Карельского перешейка, полуостров Рыбачий и предоставить в аренду часть полуострова Ханко, а в качестве компенсации Финляндии предлагалась вдвое большая территория в Восточной Карелии, в результате чего граница от Ленинграда отодвигалась на 70 км. Договориться по данным вопросам не удалось. В последний момент советская сторона ограничила свои условия, однако финская делегация не изменила своих позиций. Финны категорически отказались уступать полуостров Ханко или другие близлежащие острова для создания военной базы, контролирующей вход в Финский залив в защиту Ленинграда с моря. Переговоры зашли в тупик.

После прервавшихся переговоров советское руководство пришло к выводу, что в условиях начавшейся мировой войны военно-политические проблемы в отношениях с Финляндией необходимо решать силой. 28 ноября 1939 г. советское руководство денонсировало договор о ненападении с Финляндией, который был заключен в 1932 г. и затем в 1934 г. продлен на 10 лет, а на следующий день разорвало с ней дипломатические отношения. В ноте наркома В. М. Молотова посланнику Финляндии утверждалось: «Ввиду сложившейся обстановки, ответственность за которую ложится исключительно на Правительство Финляндии, Правительство СССР не может больше поддерживать нормальных отношений с Финляндией и вынуждено отозвать из Финляндии своих политических и хозяйственных представителей»⁷³. Видный государственный деятель Финляндии У. Кекконен позднее вспоминал о своей беседе с В. М. Молотовым в Москве в начале 1950-х гг.: «Я высказал сожаление, что события прошлого приняли такой оборот, и сказал, что не знаю, была ли в этом виновата только Финляндия, и что, возможно, Финляндия явилась главным виновником, Молотов ответил, что и мы (то есть СССР. — *Прим. ред.*) тоже были виноваты. Следовательно, обоюдное подозрение вызвало не лучшие действия обеих сторон»⁷⁴.

30 ноября 1939 г. части Красной армии перешли границу с Финляндией и начали боевые действия на ее территории. Началась война, которую стали называть «зимней войной». При этом делалась ставка на скоротечную победоносную военную кампанию.

Переход финской границы советскими частями в районе деревни Хаутаваара

В. М. Молотов подписывает договор о взаимопомощи и дружбе с правительством О. Куусинена. 2 декабря 1939 г.

Пожары и разрушения после налета советской авиации на Хельсинки

Финские солдаты, погибшие при обороне высоты 65,5 в укрепленном районе Лянде

По инициативе И. В. Сталина после начала «зимней войны» было образовано народное правительство так называемой Финляндской Демократической Республики (ФДР) во главе с руководителем финской компартии О. Куусиненом. Министрами правительства стали «красные финны», эмигрировавшие ранее в СССР. Народное правительство в качестве своей первой задачи выдвигало «окончание войны и заключение мира». 2 декабря В. М. Молотов и О. Куусинен подписали в Москве договор о взаимопомощи и дружбе между СССР и ФДР⁷⁵.

С этого момента Красная армия на основании подписанного договора уже не вела войну с Финляндией, а оказывала «помощь восставшему финскому народу». Однако никакого восстания в Финляндии не последовало, поскольку широкой поддержки финского населения правительство О. Куусинена не получило. Наоборот, финская пропаганда распространила информацию о том, что Советский Союз планирует при помощи правительства О. Куусинена ликвидировать государственную независимость Финляндии⁷⁶. В итоге образование народного правительства стало негативно влиять на отношение к СССР финского населения, а также мирового сообщества. Все это привело к осложнению для Советского Союза международной обстановки. 14 декабря 1939 г. Лига Наций осудила действия СССР против Финляндии и в тот же день исключила его из своего состава⁷⁷.

С ходу прорвать мощную линию финских укреплений на Карельском перешейке части Красной армии не смогли, военные действия приняли затяжной характер. В ходе «зимней войны» выявился ряд серьезных недостатков в подготовке Красной армии к боевым действиям, особенно в суровых зимних условиях. Подводя итоги военной кампании против Финляндии на совещании при ЦК ВКП(б) в апреле 1940 г., И. В. Сталин подчеркнул, что виной тому стал психологический настрой Красной армии на легкую победу: «Это помешало нашей армии сразу понять свои недостатки и перестроиться, перестроиться применительно к условиям Финляндии. Наша армия не поняла, не сразу поняла, что война в Польше — это была военная прогулка, а не война. Она не поняла и не уяснила, что в Финляндии не будет военной прогулки, а будет настоящая война. Потребовалось время для того, чтобы наша армия поняла это, почувствовала и чтобы она стала приспосабливаться к условиям войны в Финляндии, чтобы она стала перестраиваться»⁷⁸.

Соединенные Штаты Америки в январе 1940 г. ввели «моральное эмбарго» на торговлю с СССР, которое действовало до января 1941 г. Воюющие стороны по-разному отнеслись к войне Советского Союза против Финляндии. Германия заняла позицию нейтралитета в отношении СССР. Посол Германии в Москве Ф. фон Шуленбург заявил нарком В. М. Молотову, что «германское правительство и германская общественность не имеют оснований и не желают вмешиваться в конфликт между СССР и Финляндией или тем более выражать симпатии по отношению к Финляндии и Скандинавии»⁷⁹.

Отношение Франции и Англии к СССР было откровенно враждебным. Их военное и политическое руководство обсуждало возможность отправки на помощь Финляндии экспедиционного корпуса, а также бомбардировки советских нефтяных промыслов на Кавказе (Баку). Планировавшаяся акция была призвана нанести удар по советскому потенциалу, а также укрепить экономическую блокаду Германии. Однако выявились разногласия между французами и британцами, поскольку Лондон опасался последствий вовлечения Советского Союза в войну на стороне Германии. В результате замыслы вооруженных действий против СССР не были реализованы⁸⁰.

Пока Франция и Великобритания пытались согласовать свои планы, война СССР с Финляндией подошла к концу. Части и соединения Красной армии получили существенное преимущество в танках, авиации, артиллерии. В феврале 1940 г. они прорвали линию укреплений Финляндии и перешли в наступление по всему фронту. Финляндия оказалась на грани поражения, ее руководство вынуждено было пойти на уступки. Советское руководство опасалось международных осложнений и также стремилось завершить затянувшуюся войну.

Министр иностранных дел Финляндии В. Таннер сообщает по радио об окончании Советско-финляндской войны

12 марта 1940 г. в Москве был подписан мирный договор между СССР и Финляндией. Военные действия между двумя странами прекращались немедленно, и устанавливалась новая линия государственной границы Советского Союза с Финляндией: в состав СССР вошли весь Карельский перешеек с городом Выборгом, западное и северное побережье Ладожского озера и некоторые другие территории, которые уступила Финляндия, а также был предоставлен в аренду сроком на 30 лет полуостров Ханко в Финском заливе для создания там военно-морской базы⁸¹.

Советское руководство добилось укрепления безопасности Ленинграда. Но Советско-финляндская война усилила в Финляндии враждебность к СССР. К тому же эта война выявила серьезные просчеты и недостатки в подготовке Красной армии. Маршал А. М. Василевский впоследствии рассказывал: «Финская война была для нас большим срамом и создала о нашей армии глубоко неблагоприятные впечатления за рубежом, да и внутри страны. Все это надо было как-то объяснить. Вот тогда и было создано у Сталина совещание, был снят с поста наркома Ворошилов и назначен Тимошенко»⁸².

Как уже говорилось, Англия и Франция 3 сентября 1939 г. объявили войну Германии, но активных боевых действий не предпринимали. Политические и военные руководители западных держав не использовали благоприятную ситуацию, когда значительная часть германских вооруженных сил была занята польской кампанией. Позднее начальник штаба оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) генерал А. Йодль признавал: «Если мы еще в 1939 году не потерпели поражения, то только потому, что примерно 110 французских и английских дивизий, стоявших на западе во время нашей войны с Польшей против 23 германских дивизий, оставались совершенно бездейственными»⁸³.

Высший англо-французский военный совет в Абвиле 12 сентября 1939 г. пришел к выводу: «Не спешить начинать крупные наземные операции, подождать максимального наращивания наших средств». Что касается Польши, то союзники решили: «Мы мало что можем сделать для нее, исход войны определится на западном фронте»⁸⁴.

Войска Германии входят в столицу Норвегии

Немецкие пулеметчики контролируют перекресток в Осло

Военное положение в Голландии. Охрана общественных зданий

Колонна бельгийских танков

Центр Роттердама и церковь святого Лоренца после немецкой бомбардировки

Два немецких солдата меняют позицию во время боя в разрушенном французском городке

Колонна французских военнопленных в Рокруа движется к месту сбора

Представители Франции направляются в штабной вагон маршала Фоша для переговоров о перемирии с представителями Германии

Военные руководители Англии и Франции убеждали политических деятелей в неготовности своих вооруженных сил к наступательным военным действиям. К тому же в Лондоне и Париже существовали опасения чрезмерного усиления СССР и влияния большевизма в результате активных вооруженных действий западных держав против Германии. Отсюда англо-французский курс на затяжную войну. При этом делалась ставка на максимальное наращивание сил и средств западных союзников при одновременном ослаблении Германии экономической блокадой. Таким образом, несмотря на объявленную войну, активных боевых действий на суше воюющие стороны не вели. Такое положение получило название «странная война», которая продолжалась с 3 сентября 1939 г. до 9 апреля 1940 г.

Англия и Франция отвергли мирные предложения фашистской Германии в октябре 1939 г., но так и не развернули активных наземных вооруженных действий. 28 марта 1940 г. главы правительств Великобритании и Франции (Н. Чемберлен и П. Рейно) подписали совместную декларацию с обязательствами двух стран не заключать ни сепаратного перемирия, ни сепаратного мира с Германией⁸⁵. Последующие события показали, что в действительности эта декларация не имела реального значения.

В апреле 1940 г. «странная война» завершилась вследствие активизации германских вооруженных сил. 9 апреля фашистская Германия начала военные действия против Дании и Норвегии. Дания была быстро оккупирована и превращена в германский протекторат. В связи с поражением Дании Исландия, находившаяся с ней в персональной унии, 10 апреля взяла

в свои руки ведение внешнеполитических дел. Британские войска заняли этот остров 10 мая с согласия Вашингтона. Частью территории Датского королевства был и остров Гренландия. США воспрепятствовали занятию Гренландии канадскими войсками и, объявив остров частью Западного полушария, распространили на него действие доктрины Монро⁸⁶.

Норвегия объявила войну Германии и обратилась за помощью к Англии и Франции. Англо-французские силы высадили десанты в некоторых норвежских портах, но противостоять германскому натиску они не смогли. Норвежская армия потерпела поражение, ее остатки вместе с англо-французскими частями эвакуировались в Англию, куда в июне также перебрались норвежское правительство и король Норвегии. В оккупированной стране фашистская Германия создала марионеточное правительство во главе с бывшим военным министром Норвегии В. Квислингом, имя которого стало нарицательным обозначением коллаборационистов.

10 мая 1940 г. германские вооруженные силы начали широкомасштабное наступление на Западе. Они вторглись в Бельгию, Голландию и Люксембург, обходя линию мощных французских укреплений (линию Мажино). 14 мая голландская армия капитулировала, 28 мая та же участь постигла бельгийскую армию.

15 мая германские войска прорвали фронт французских и английских войск под Седаном и начали развивать наступление на территории Франции, окружая группировку войск союзников в районе Дюнкерка, на севере Франции. Только приказ А. Гитлера приостановить наступление позволил англичанам эвакуировать морем из Дюнкерка британский экспедиционный корпус и часть французской армии — всего свыше 330 тыс. солдат и офицеров.

Позднее командующий германской группой «А» Г. фон Рундштедт вспоминал: «Мои руки были связаны личным приказом Гитлера. Англичане карабкались на суда, стоявшие у берега, а я торчал около порта и не мог пошевелить пальцем»⁸⁷. Почти все оружие и снаряжение этой группировки попало в руки фашистской Германии.

5 июня 1940 г. немецкие танковые группировки возобновили наступление на территории Франции в южном и юго-западном направлениях. 10 июня в войну против Франции вступила фашистская Италия, несмотря на готовность французского руководства пойти на уступки в колониальных вопросах. В тот же день французское правительство покинуло Париж и обосновалось в Бордо. Французская армия была дезорганизована и деморализована, в руководстве страны все громче звучали голоса сторонников немедленного перемирия с фашистской Германией. 14 июня немецкие войска вступили в Париж, объявленный «открытым городом». В тот же день состоялась беседа французского посла в Москве Э. П. Лабонна с наркомом В. М. Молотовым. Посол сделал устное заявление, в котором спросил, «согласно ли советское правительство на обмен мнениями о средствах сохранения европейского равновесия сил, которое находится под угрозой»⁸⁸. В. М. Молотов пообещал доложить об этом советскому правительству.

В правящих кругах Франции все громче звучали голоса сторонников перемирия с Германией. Британское правительство во главе с У. Черчиллем добивалось согласования с ним условий перемирия. Оно настаивало на том, чтобы французский флот ни в коем случае не попал в руки немцев. 16 июня, в обстановке поражения Франции, Лондон предложил проект франко-британского союза с общими органами в области обороны, внешней политики, финансов и экономики⁸⁹. Однако французские пораженцы не стали даже обсуждать это предложение. В тот же день было сформировано новое французское правительство во главе с маршалом Ф. Петеном.

Это правительство немедленно обратилось к Германии с просьбой о заключении мира. А. Гитлер отказался вести переговоры о мире, но согласился заключить перемирие. 22 июня 1940 г. в музейном штабном вагоне маршала Ф. Фоша, в котором было заключено Компьенское перемирие, завершившее Первую мировую войну, состоялось подписание нового перемирия между Германией и Францией. 25 июня в Риме было подписано перемирие между Италией и Францией, и в тот же день оба соглашения о перемирии вступили в силу⁹⁰. Военные действия Франции против Германии и Италии были прекращены. Франция в тот момент вышла из войны побежденным государством.

Маршал Ф. Петен на встрече с А. Гитлером

Поражение Франции коренным образом изменило всю военно-политическую ситуацию и нарушило расчеты советского руководства на затяжную войну на Западе. Фашистская Германия приобрела доминирующее положение на Европейском континенте. В Москве нарастало беспокойство в связи с резким усилением Германии. Маршал А. М. Василевский отмечал: «Новая преступная акция фашистской Германии в Западной Европе — захват ею не только малых стран, но и Франции — не могла не вызывать у нас чувства повышенной настороженности. Мы должны были учитывать, что Германия подчинила себе почти весь военно-промышленный комплекс Европы, ее военный потенциал значительно усилился, а ее агрессивные аппетиты возросли»⁹¹.

Единственным воюющим противником Германии оставалась Великобритания со своими доминионами и колониями. В июле 1940 г. британское правительство отклонило очередные «мирные предложения» А. Гитлера. Тогда же англичане предприняли активные действия, чтобы не допустить перехода французского флота в руки фашистской Германии. Британские военно-морские силы потопили значительную часть французских кораблей на рейде алжирского порта Мерс-эль-Кебир близ Орана и в порту Дакар (Западная Африка). В ответ правительство Виши разорвало дипломатические отношения с Великобританией.

Британское руководство приступило к интенсивной реализации программы наращивания вооруженных сил. В то же время Лондон пытался укрепить свои внешнеполитические позиции. В Москву был направлен новый британский посол С. Криппс, призванный улучшить отношения с СССР. 1 июля он имел беседу с И. В. Сталиным, перед началом которой передал личное послание У. Черчилля советскому лидеру. Британский премьер писал: «В настоящий момент перед всей Европой, включая обе наши страны, встает проблема того, как государства и народы Европы будут реагировать на перспективу установления

У. Черчилль

С. Криппс

Германией гегемонии над континентом»⁹². Британское руководство предлагало обсудить вопрос о согласовании действий для сдерживания германской агрессии и «восстановления европейского баланса сил».

В ходе беседы И. В. Сталин заявил, что «он считает еще преждевременным говорить о господстве Германии в Европе. Разбить Францию — это еще не значит господствовать в Европе. Для того чтобы господствовать в Европе, надо иметь господство на морях, а такого господства у Германии нет, да и вряд ли будет»⁹³. Высказывания главы Советского государства свидетельствуют о том, что он видел в Британской империи мощный противовес германскому господству в Европе. Вместе с тем он недооценивал гегемонистские устремления Третьего рейха, хотя и делал оговорку, что об опасности господства Германии в Европе говорить еще рано.

Время для переориентации советской политики на союз с Великобританией еще не пришло. «Договариваясь с Германией и фактически сведя отношения с Англией и Францией к минимуму, Москва лишила себя возможности игры на противостоянии и балансировании. И как только Германия разгромила Францию, Советский Союз оказался визави с Германией, искренность целей которой подвергалась все большему сомнению. Постоянное взаимное раздражение, разногласия и стычки по экономическим вопросам усиливали беспокойство в Москве. Но у Сталина практически уже не было выбора. Германия настолько набрала силу, что для СССР был немислим переход в англо-американский лагерь (к тому же при ослаблении Англии и угрозе немецкого вторжения на Британские острова)»⁹⁴.

Советское руководство приняло решение, не отказываясь от ориентации на Германию, использовать сложившуюся ситуацию для укрепления геополитических позиций СССР. В сложной обстановке лета 1940 г. руководство страны не могло не учитывать информацию, получаемую от разведок и других источников, о враждебных отношениях правящих кругов Прибалтийских государств к СССР, об их связях с Германией⁹⁵. На фоне неудач Красной армии в войне с Финляндией правительства Прибалтийских стран активизировали прогерманскую деятельность.

А. Сметона

Ю. Урбшис

В одном из проектов «Инструкции послам по поводу Московского договора», разработанной литовскими дипломатами, говорилось: «Было бы невыгодно, если бы за рубежом сложилось мнение, что Литва охотно приняла Московский договор и считает его нормальным или даже полезным для нее событием... С Россией приходится вести себя... предоставляя максимум формального содержания подписанным положениям пакта»⁹⁶. Руководства Прибалтийских республик и после заключения договоров о взаимопомощи с СССР продолжали сохранять конфиденциальные контакты с нацистами. Генштабы этих республик разрабатывали планы по ликвидации советских военных баз и гарнизонов⁹⁷.

Советское военно-политическое руководство придавало важное значение развертыванию воинских контингентов в Прибалтике. В приказе наркома обороны СССР от 7 ноября 1939 г. говорилось: «Договоры Советского Союза с Эстонией, Латвией и Литвой являются прочной основой для мира в восточной половине Балтийского моря и в Восточной Европе»⁹⁸.

В конце 1939 — начале 1940 г. у руководства стран Прибалтики сохранялись иллюзии дальнейшего балансирования между воюющими сторонами (нацистской Германией и англо-французской коалицией) и Советским Союзом, опасавшимся быть втянутым в мировую войну в невыгодных условиях, в том числе геополитических — на Балтике⁹⁹.

После того как Германия захватила Норвегию и Данию, развязала активные боевые действия против Франции, а также учитывая активность правительств Прибалтийских стран противодействию договорам с СССР, советское руководство решило: «Пришла пора действовать. С учетом изменившегося баланса сил в пользу Германии договоры о взаимопомощи с балтийскими странами казались слишком ненадежной гарантией, чтобы обеспечить военно-стратегические интересы СССР в Прибалтике, на самой границе с Восточной Пруссией»¹⁰⁰.

Быстрое нарастание нацистской угрозы, катастрофически быстрое поражение в июне 1940 г. Франции, считавшейся одним из столпов Версальского мира, не оставляли иллюзий о дальнейшем векторе нацистской агрессии и стали катализатором, побудившим руководство СССР предъявить ультиматум странам Прибалтики. В нотах советского правительства руководства Литвы (14 июня), Латвии и Эстонии (16 июня) обвинялись в недружественных

действиях в отношении СССР и нарушениях соответствующих двусторонних пактов о взаимопомощи. В советском ультиматуме требовалось привести к власти дружественные Москве правительства и допустить на территорию этих государств новые контингенты советских войск¹⁰¹.

Министр иностранных дел Литвы Ю. Урбшис, находившийся в Москве, просил продлить срок действия советского ультиматума (с полуночи 14 июня до 10 часов утра 15 июня), чтобы успеть связаться со своим правительством. В ответ В. М. Молотов заявил: «Мотивов ультиматума нет нужды передавать, а те три пункта быстро зашифруйте и до 10 часов утра получите ответ. Кроме того, какой бы ни был ваш ответ, войска завтра все равно вступят в Литву»¹⁰².

Руководители трех Прибалтийских государств пытались найти поддержку в Берлине, но Германия соблюдала договоренности с СССР. 17 июня статс-секретарь германского МИДа Э. Вайцеккер разослал всем дипломатическим миссиям Германии циркулярную телеграмму, в которой говорилось: «Беспрепятственное укрепление русских войск в Литве, Латвии и Эстонии и реорганизация правительств, проводимая советским правительством с намерением обеспечить более тесное сотрудничество этих стран с Советским Союзом, касается только России и Прибалтийских государств. Поэтому, ввиду наших неизменно дружественных отношений с Советским Союзом, у нас нет никаких причин для волнения»¹⁰³.

Правительства Литвы, Латвии и Эстонии вынуждены были принять советские требования. 15–17 июня 1940 г. советские войска вступили на территорию стран Прибалтики. Одновременно в них были направлены особые уполномоченные советского правительства: в Литву — В. Г. Деканозов, в Латвию — А. Я. Вышинский, в Эстонию — А. А. Жданов. Сопротивления дополнительному вводу советских войск оказано не было, по прибалтийским городам прокатились массовые митинги в поддержку смены режимов. Власти, включая президентов К. Улманиса и К. Пятса, а также исполняющего обязанности президента Литвы А. Меркиса, в целом сотрудничали с советскими представителями (А. Сметоне удалось бежать в Германию). Командованию советских войск по-прежнему запрещалось вмешиваться в политику¹⁰⁴.

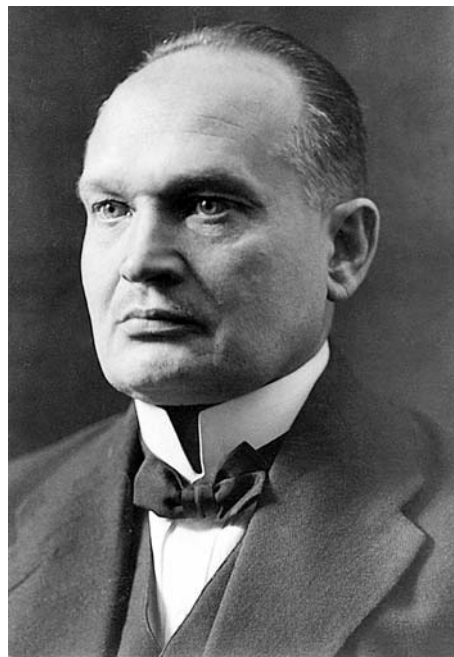
Был снят запрет с деятельности коммунистических партий, что привело к их активизации. В Литве (17 июня), Латвии (20 июня) и Эстонии (21 июня) были сформированы дружественные СССР, но не коммунистические по своему составу правительства. Министерские портфели достались в основном представителям научных кругов, журналистики и художественной элиты левого и левоцентристского направлений. При этом президенты К. Улманис и К. Пятс сохраняли свои должности и подписывали правительственные декреты перед их вступлением в силу, а дипломатический корпус в прибалтийских столицах признавал легитимность новых кабинетов министров (дуаины и послы были представлены главам МИДов трех стран)¹⁰⁵.

Первые политические шаги новых правительств: освобождение политзаключенных, снятия ряда запретов, установленных прежними правительствами, возвращение гражданства политэмигрантам, улучшение материального положения населения, либерализация общественной жизни, разоружение военизированных организаций, составлявших опору прежних режимов и т. п. снижали определенную популярность, способствовали оживлению общественной активности.

14–15 июля 1940 г. состоялись выборы в народные сеймы Литвы и Латвии и государственную думу Эстонии. Предвыборная кампания была проведена в крайне сжатые сроки, что способствовало созданию привилегированного положения ранее запрещенных и преследуемых коммунистов, которые быстро развернули свои оргструктуры и составили внятную предвыборную программу. Списки «буржуазных кругов» часто снимались с выборов по формальным и неформальным причинам. Выборы принесли полную победу блокам, сформированным коммунистами трех стран. 21–22 июля новые парламенты Литвы, Латвии и Эстонии объявили о восстановлении или установлении в государстве советской власти и обратились с просьбой принять каждую республику в состав СССР¹⁰⁶. 3–6 августа 1940 г. процесс включения республик Прибалтики в состав СССР был завершен.

К. Улманис

К. Пятс

Следует отметить, что в условиях начавшейся войны Советский Союз улучшил свое геополитическое и геостратегическое положение. В докладе на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г. В. М. Молотов подчеркнул: «Первостепенное значение для страны имеет тот факт, что отныне границы Советского Союза будут перенесены на побережье Балтийского моря»¹⁰⁷.

Решив вопрос о включении в состав СССР Прибалтийских республик, советское руководство занялось проблемой Бессарабии. Из-за так называемого бессарабского вопроса советско-румынские отношения в течение многих лет были напряженными. Этот вопрос возник в 1918 г., когда Румыния в условиях распада Российской империи оккупировала и, нарушив собственные обещания, аннексировала Бессарабию. Советское правительство никогда не признавало включение Бессарабии в состав Румынии, да и самой Румынии не удалось добиться юридического признания аннексии со стороны великих держав.

В решении бессарабского вопроса основную роль сыграл внешний фактор — коренное изменение международной ситуации, а условия для его практической реализации создало заключение советско-германского договора о ненападении. В секретном дополнительном протоколе было зафиксировано разграничение сфер обоюдных интересов в Восточной Европе: «Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии». В свою очередь, Германия заявила о своей «полной политической незаинтересованности в этих областях»¹⁰⁸.

29 марта 1940 г., после окончания войны с Финляндией, В. М. Молотов заявил на сессии Верховного Совета СССР: «У нас нет пакта о ненападении с Румынией. Это объясняется наличием нерешенного спорного вопроса, вопроса о Бессарабии, захват которой Румынией Советский Союз никогда не признавал, хотя никогда и не ставил вопроса о возвращении Бессарабии военным путем»¹⁰⁹.

Румыния после заключения с фашистской Германией «нефтяного пакта» отказалась от англо-французских гарантий собственной безопасности, которые ей были предоставлены

Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко и Н. С. Хрущев общаются с бессарабскими крестьянами

в апреле 1939 г., и вышла из Лиги Наций. В официальной декларации было объявлено о том, что Румыния «будет проводить политику искреннего включения в систему, созданную осью Берлин — Рим, и это является не только выражением политического реализма, но и логическим следствием идеологии членов правительства»¹¹⁰. На румыно-советской границе развертывались крупные группировки войск, строились оборонительные сооружения.

В. М. Молотов в беседе с германским послом Ф. фон Шуленбургом 23 июня 1940 г. заявил: «Советский Союз хотел разрешить вопрос мирным путем, но Румыния не ответила на это предложение. Теперь советское правительство послало полпреда в Румынию и хочет поставить этот вопрос вновь перед Румынией в ближайшее время. Буковина как область, населенная украинцами, тоже включается в разрешение бессарабского вопроса. Румыния поступит разумно, если отдаст Бессарабию и Буковину мирным путем... Если же Румыния не пойдет на мирное разрешение бессарабского вопроса, то Советский Союз разрешит его вооруженной силой. Советский Союз долго и терпеливо ждал разрешения этого вопроса, но теперь дальше ждать нельзя»¹¹¹.

Германское правительство в своем ответе признало права Советского Союза на Бессарабию и «своевременность постановки этого вопроса перед Румынией». Вместе с тем оно отметило, что «вопрос о Буковине является новым, и Германия считает, что без постановки этого вопроса сильно облегчилось бы мирное разрешение вопроса о Бессарабии»¹¹². В целом германское руководство поддержало позицию СССР по бессарабскому вопросу. И. фон Риббентроп направил румынскому правительству рекомендацию «безоговорочно принять требования советского правительства»¹¹³.

Используя обстановку, сложившуюся после поражения англо-французских войск, советское правительство 26 июня 1940 г. предъявило Румынии ультиматум. В 10 часов вечера

В. М. Молотов вручил румынскому посланнику в Москве ноту советского правительства, в которой содержались следующие требования:

1. Возвратить Бессарабию Советскому Союзу;
2. Передать Советскому Союзу северную часть Буковины в границах согласно приложенной карте.

В документе говорилось: «Советский Союз никогда не мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии, о чем правительство СССР неоднократно и открыто заявляло перед всем миром. Теперь, когда военная слабость СССР отошла в область прошлого, а создавшаяся международная обстановка требует быстрее решения полученных в наследство от прошлого нерешенных вопросов... Советский Союз считает необходимым и своевременным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу... Правительство СССР считает, что вопрос о возвращении Бессарабии тесно связан с вопросом о передаче Советскому Союзу той части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава»¹¹⁴.

Получив принципиальное согласие румынского руководства, советские войска 28 июня 1940 г. начали занимать территорию Бессарабии и Северной Буковины. 1 июля они вышли на новую границу с Румынией и закрепились на ней. Большая часть Бессарабии вошла в состав вновь образованной Молдавской ССР, а меньшая, южная ее часть была присоединена к Украинской ССР.

Укрепление геополитических позиций СССР в 1939–1940 гг. увеличило его роль в ходе Второй мировой войны и отодвинуло советскую границу на запад. С другой стороны, фашистская Германия стала доминирующей силой в Европе. В состав германского рейха были включены Австрия, Судетская область, западная часть Польши, Данциг (Гданьск), Мемель (Клайпеда), Эльзас-Лотарингия и северная часть Словении. Богемия и Моравия (территория Чехословакии) и часть Западной Польши стали германскими протекторатами. Непосредственными союзниками фашистской Германии или странами прогерманской ориентации были Италия, Испания, Венгрия, Болгария, Румыния, Словакия, Финляндия и Хорватия.

После поражения Франции германское руководство колебалось между двумя направлениями дальнейшей агрессии: подготовить высадку на Британские острова и сломить сопротивление англичан либо готовить нападение на СССР, о котором А. Гитлер заговорил летом 1940 г.

Поскольку высадка на Британские острова представляла большие трудности, А. Гитлер решил сломить сопротивление англичан массированными ударами с воздуха. Беспрецедентная по масштабам борьба между военно-воздушными силами Германии и Великобритании получила название «битва за Англию». Она продолжалась с августа 1940 г. по май 1941 г. Великобритания пользовалась также растущей поддержкой со стороны США. В сентябре 1940 г., когда Великобритания нуждалась в срочном укреплении своего военно-морского флота, США согласились передать ей 50 своих эсминцев в обмен на право создать восемь военно-морских и военно-воздушных баз на островах в Атлантическом океане, входивших в состав Британской империи (аренда на 99 лет). Тогда же в США впервые в истории был принят закон об обязательной воинской повинности¹¹⁵.

Поражение Франции повлияло и на положение в Азии и Африке. В августе — сентябре 1940 г. японцы поставили под свой контроль Северный Индокитай. В Северной Африке итальянские силы начали с территории итальянской колонии Ливии наступление на Египет, но были остановлены британскими войсками. Военные действия в Северной Африке велись ограниченными вооруженными силами на узкой полосе территории по берегу Средиземного моря. Южнее находилась непреодолимая для войск пустыня Сахара. Великобритания ответила наступлением на итальянское Сомали в Восточной Африке. Весной 1941 г. британские силы, получив подкрепления, освободили от итальянцев Эфиопию и заняли итальянскую колонию Эритрею. Вся Восточная Африка перешла под британский контроль.

Что касается советского руководства, то оно после начала Второй мировой войны сохраняло нейтралитет. Исходя из сложившейся международно-политической ситуации, СССР добился возвращения Западной Белоруссии и Западной Украины, присоединения Эстонии, Латвии и Литвы, Бессарабии и Северной Буковины, выгодного изменения границы с Финляндией. Тем самым приоритет отдавался укреплению безопасности и на этой основе усилению влияния СССР в Восточной Европе.

Однако произошли и неблагоприятные для СССР изменения в расстановке сил в Европе и мире. По словам В. М. Молотова, советско-германское сотрудничество «обеспечило Германии спокойную уверенность на Востоке... Германия получила безопасный тыл»¹¹⁶. Германский рейх добился преобладания на Европейском континенте, нарастил свой военно-промышленный потенциал, увеличил свою агрессивность, превратившись в чрезвычайно опасного соседа СССР.

Наращение противоречий между СССР и Германией

После поражения Франции гитлеровская Германия стремилась закрепить свое господствующее положение в Европе. Пользуясь поддержкой Берлина, Болгария и Венгрия потребовали территориальных уступок со стороны Румынии. В августе 1940 г. было достигнуто болгаро-румынское соглашение об уступке Румынией Болгарии Южной Добруджи (области между нижним течением реки Дунай и Черным морем). Более сложно оказалось разрешить венгеро-румынский спор по поводу Трансильвании (пограничный район со смешанным населением). 30 августа под давлением Германии и Италии Румыния должна была подчиниться решениям так называемого «венского арбитража»: Трансильвания была разделена на две части, и северная часть с двумя миллионами жителей отошла к Венгрии¹¹⁷.

При этом Советский Союз был оттеснен от решения вопросов Юго-Восточной Европы. 31 августа 1940 г. нарком В. М. Молотов заявил германскому послу Ф. фон Шуленбургу, что «германское правительство нарушило статью 3 договора о ненападении от 23.08.1939 г., где говорится о консультациях в вопросах, интересующих обе стороны. Германское правительство нарушило эту статью, не проконсультировавшись с советским правительством в вопросе, который не может не затрагивать интересы СССР, т. к. дело идет о двух пограничных Советскому Союзу государствах. Между тем вопреки договору германское правительство не консультировалось по этому вопросу с советским правительством, а только поставило его в известность о свершившихся фактах, т. е. ограничилось последующей информацией»¹¹⁸. Этот эпизод стал предвестником последующего противостояния СССР и Германии на Балканах.

Укрепляя отношения со своими союзниками, германское руководство инициировало подписание в Берлине 27 сентября 1940 г. Тройственного пакта с участием Германии, Италии и Японии. Пакт стал договором о политическом, экономическом и военном союзе коалиции агрессоров. Он имел в виду взаимную поддержку участников пакта всеми средствами, включая военные, в случае нападения на одно из трех государств «со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской войне и в китайско-японском конфликте». Не трудно догадаться, что имелись в виду США и СССР. Правда, камуфлируя свои агрессивные замыслы в отношении СССР, участники пакта сделали оговорку, что заключенный договор «никоим образом не затрагивает политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников соглашения и Советским Союзом»¹¹⁹.

Однако в узком кругу своих сотрудников министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп после подписания Тройственного пакта говорил: «Эта палка будет иметь два конца — против России и против Америки»¹²⁰. Япония признавала руководство Германии

и Италии в создании «нового порядка» в Европе, а Германия и Италия признавали руководство Японии в формировании «нового порядка» в рамках «великого восточноазиатского пространства». Тройственный пакт стал стержнем формирования широкой коалиции агрессоров в Европе и Азии. Впоследствии к нему присоединились Венгрия, Румыния, Болгария, Финляндия, Испания, прогитлеровские Словакия и Хорватия, Таиланд (Сиам), марионеточное государство Маньчжоу-Го и прояпонское китайское правительство Ван Цзинвэя в Нанкине.

Реакция советского правительства на Тройственный пакт, как отмечал американский посол в Москве Л. Штейнгардт в телеграмме госсекретарю США от 28 сентября 1940 г., была отрицательной. По сообщению посла, сотрудники германского посольства в Москве откровенно говорили, что СССР недоволен Тройственным пактом. Они считали, что пакт означал принципиальное изменение германской политики в отношении СССР. Сугубо доверительно немцы высказывали мнение, что Германия готовилась к войне против СССР весной следующего года¹²¹.

Вдохновленная успехами своего германского союзника, фашистская Италия решила предпринять самостоятельную агрессивную акцию на Балканах. В конце октября 1940 г. итало-албанские войска с территории Албании вторглись в Грецию. В ответ Греция объявила войну Италии и обратилась за помощью к Англии. Британцы направили на помощь грекам свой экспедиционный корпус в составе двух дивизий и одной танковой бригады. Греческие войска упорно сопротивлялись. В октябре — декабре 1940 г. они нанесли ряд поражений итальянским войскам. Британцы, со своей стороны, совершили мощный авиационный налет на основную базу итальянского флота в порту Таранто и вывели из строя три из шести итальянских линкоров. В итоге к весне 1941 г. Б. Муссолини вынужден был просить помощи у А. Гитлера.

Став доминирующей силой в Европе, Германия все меньше считалась с интересами СССР. Берлин не консультировался с Москвой при осуществлении «венского арбитража» и заключении Тройственного пакта. Между «партнерами» возник «кризис взаимопонимания».

Советское руководство стремилось разъяснить возможность новых договоренностей с германскими лидерами относительно разграничения сфер интересов в Европе и Средиземноморье. Именно с этой целью состоялся визит главы советского правительства и наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова в Берлин 12—14 ноября 1940 г. В директивах к берлинской поездке, изложенных В. М. Молотову И. В. Сталиным, ставилась задача осуществить серьезный зондаж дальнейших намерений германских партнеров. Советское руководство стремилось закрепить и расширить сферу влияния СССР на основе дальнейшего развития сотрудничества с Германией. При этом Совнарком добивался включения в сферу интересов Советского Союза Финляндии (где дело считалось решенным не до конца), стран Юго-Восточной Европы: Румынии, Венгрии и Турции. Как отмечал В. М. Молотов: «Болгария — главный вопрос переговоров, должна быть, по договоренности с Германией и Италией, отнесена к сфере интересов СССР на той же основе гарантий Болгарии со стороны СССР, как это сделано Германией и Италией в отношении Румынии, с вводом советских войск в Болгарию». Кроме того, советское руководство проявляло интерес к вопросам Ирана, Греции и Югославии¹²².

В Берлине В. М. Молотов провел беседы с А. Гитлером и И. фон Риббентропом. Он настойчиво ставил вопросы о возможности новых советских акций против Финляндии, включения Болгарии в сферу интересов СССР путем предоставления ей соответствующих гарантий, об учете советской заинтересованности в судьбе Румынии, Венгрии, Турции. В беседе с И. фон Риббентропом В. М. Молотов подчеркнул: «По мнению советского правительства... установление сфер интересов между СССР и Германией, происшедшее в 1939 году, касалось определенного этапа. Это разграничение, принятое в прошлом году, исчерпано в ходе событий 1939—1940 годов, за исключением вопроса о Финляндии, который еще полностью не решен». Советский нарком ставил вопрос о новом «разграничении сфер интересов на длительный срок» с учетом обязательств участников Тройственного пакта¹²³.

В. М. Молотов в Берлине

В. М. Молотов и Г. Геринг

Встреча В. М. Молотова и А. Гитлера

Однако нацистские лидеры вовсе не собирались предоставить Советскому Союзу ту сферу влияния, на которую он претендовал. В отношении Финляндии А. Гитлер раздраженно подчеркивал заинтересованность Германии в сохранении мира на Балтике. Что касается советских гарантий Болгарии, то фюрер ссылаясь на необходимость консультаций с Б. Муссолини и согласие самой Болгарии. А. Гитлер отметил: «Германия в ходе борьбы с Англией должна идти и туда, куда она не хотела бы идти, но она временно из-за интересов борьбы против Англии вынуждена это делать, — на Балканы»¹²⁴.

И. фон Риббентроп усиленно подталкивал В. М. Молотова к развитию сценария борьбы против Англии, полагая, «что центр тяжести аспираций СССР лежит в направлении на юг, т. е. к Индийскому океану»¹²⁵. Оценивая результаты своих заключительных бесед с А. Гитлером и И. фон Риббентропом, В. М. Молотов телеграфировал И. В. Сталину в Москву: «Обе беседы не дали желательных результатов... Похвастаться нечем, но, по крайней мере, выяснил теперешние настроения Гитлера, с которыми придется считаться»¹²⁶.

Пытаясь отвлечь внимание советских руководителей от Юго-Восточной Европы, А. Гитлер и И. фон Риббентроп стремились склонить московских партнеров к участию в дележе Британской империи и подталкивали к борьбе за выход к Индийскому океану через Персидский залив. Тем самым достигалось бы ослабление двух основных противников Германии: одного — действующего, другого — потенциального. Выдавая стратегический замысел германского руководства, немецкая газета «Нахtausgabe» писала об итогах визита главы советского правительства: «Поездка Молотова в Берлин привела к полному краху британского стремления помешать политическому наступлению держав оси. Это наступление простирается на юг и на запад, на Европу и на Африку. Оно простирается также на восток, вплоть до сферы японских интересов. Важнейшим признаком успеха этого наступления является то, что Англия не в состоянии оказать на него никакого воздействия»¹²⁷.

Визит В. М. Молотова в Берлин выявил нараставшие советско-германские противоречия. 25 ноября 1940 г. И. В. Сталин сказал Г. Димитрову: «Наши отношения с немцами внешне вежливые, но между нами есть серьезные трения»¹²⁸. Итоги поездки В. М. Молотова были весьма тревожным сигналом для советского руководства: «Стало ясно, что ничего реального СССР от сотрудничества с Германией уже не получит. А в условиях, когда в Москву поступало все больше информации о переброске немецких войск на Восток, у Сталина оставалась только одна цель и возможность — максимально отодвигать столкновение. Ослаблять постоянное напряжение, усиливая темпы перевооружения Красной армии»¹²⁹.

Со своей стороны, гитлеровское руководство использовало переговоры с Москвой для маскировки подготовки к нападению на СССР. В декабре 1940 г. А. Гитлер подписал окончательный вариант «плана Барбаросса» — плана нападения на СССР. По замыслу фюрера, германские вооруженные силы должны были подготовиться к тому, чтобы разгромить Советский Союз в ходе быстрой и энергичной военной кампании. При этом германская армия должна была предотвратить отступление боеспособных советских войск на «широкие просторы русской территории». А. Гитлер рассчитывал на участие Румынии и Финляндии в войне против СССР¹³⁰.

В заключительной беседе с В. М. Молотовым И. фон Риббентроп выдвинул идею соглашения между участниками Тройственного пакта и Советским Союзом о взаимном уважении сфер влияния четырех держав¹³¹. Москва готова была рассмотреть это предложение, но на собственных условиях, созвучных изложенным В. М. Молотовым в Берлине¹³².

Между тем сама возможность воспользоваться еще одним шансом оттянуть время неизбежной в будущем агрессии появилась не без инициативы Японии. Этот факт не нашел до сих пор достаточно широкого освещения в отечественной историографии и поэтому заслуживает более тщательного рассмотрения.

Вынужденный временный отказ Японии от агрессии против СССР, решающую роль в котором сыграли уроки событий на озере Хасан и особенно на реке Халхин-Гол, тем временем усилил ее внимание к южному направлению. Американский историк Дж. Макшерри считает, что «демонстрация советской мощи в боях на Хасане и Халхин-Голе имела далеко идущие

последствия, показала японцам, что большая война против СССР будет для них катастрофой»¹³³. Другой историк из США А. Кукс пишет, что японское командование «немедленно сместило стратегический акцент от войны против России в направлении проникновения на юг». Он расценивает Халхин-Гол как поворотный пункт, связывая это событие с последующим развитием войны на Тихом океане¹³⁴.

Однако все было не так просто. В условиях начавшейся мировой войны и фактического отказа Германии развернуть в то время совместно с Японией боевые действия против СССР японское военно-политическое руководство стало судорожно просчитывать различные варианты возможного развития военных событий и свое место в них. В японской блоковой политике наступал новый этап.

Одной из самых грандиозных схем, прорабатывавшихся в течение примерно года (с сентября 1939 г. по конец 1940 г.), была идея организации военного союза не только между Японией, Германией и Италией, но и... с привлечением Советского Союза. Смысл идеи заключался в том, чтобы попытаться создать всемирную коалицию недемократических и антидемократических государств, к первой категории которых Токио не без оснований относил СССР, а ко второй — фашистско-милитаристскую коалицию, противостоявшую «союзу демократических держав», возглавляемых Соединенными Штатами и Великобританией¹³⁵.

Что подтолкнуло Японию к поиску такого решения, и были ли у нее основания надеяться на его успех?

Нерешенной проблемой японского военно-политического руководства в то время был Китай, агрессия против которого, рассчитанная на три месяца, затянулась на годы, и конца этой войне не было видно. В Токио понимали: основная причина срыва планов блицкрига — значительная военная и экономическая помощь, предоставляемая Китаю из-за рубежа, а самым главным поставщиком этой помощи, безусловно, был и продолжал оставаться Советский Союз. Другими словами, СССР представлялся японским лидерам главным виновником их неудач в Китае¹³⁶. В этой ситуации найти возможность прекращения советской помощи китайскому народу означало обеспечить вероятность быстрой победы в Китае и освобождение рук для развертывания наступления в южном направлении.

Еще более сильным источником неприятностей, учитывая жестокий провал японских агрессивных вылазок в районе озера Хасан и у реки Халхин-Гол, мог стать для Японии СССР в случае войны с ним один на один. После того как Германия 1 сентября 1939 г. вторглась в Польшу и особенно после того как А. Гитлер весной 1940 г. повернул направление фашистской агрессии на северо-запад Европы, Япония не могла рассчитывать на скорое военное столкновение между СССР и Германией.

Все это делало положение не имевшей мощных и надежных союзников Японии на Дальнем Востоке бесперспективным и подталкивало ее к временной ревизии своих подходов к Советскому Союзу.

Были, однако, и другие соображения. Ввод советских войск на территорию Польши в сентябре 1939 г., Советско-финляндская война 1939–1940 гг. и занятие Советским Союзом части приграничных земель Финляндии создали у японского руководства ощущение, что военные действия СССР направлены лишь на обеспечение безопасности своих западных границ, и иллюзию того, что Советский Союз при определенных условиях мог бы пойти на присоединение к коалиции против англо-американцев и на установление «нового глобального порядка», предусматривавшего деление мира на четыре зоны влияния.

В японских военно-политических кругах нашлось немало сторонников такой идеи, выдвинутой прагматичными военными. Японские послы — в СССР С. Того и в Италии Т. Сиратори, да и в самом японском МИДе считали, что сговор между Советским Союзом и Японией оказал бы психологическое давление как на Китай, так и на США и способствовал бы благополучному для японской стороны завершению непопулярной войны на китайской территории¹³⁷.

Редактор тесно связанной с военными кругами газеты «Хоти» Б. Мики 29 декабря 1939 г. в беседе с полпредом СССР в Японии К. А. Сметаниным, сославшись на свои многочисленные

Д. А. Жуков

С. А. Лозовский

консультации с представителями военных и деловых кругов, высказал мнение, что для того чтобы создать крепкий мир во всем мире, необходимо поделить этот мир на сферы влияния: отдать Германии Европу и Африку, Советскому Союзу — юг, то есть Турцию, Иран, территорию до Персидского залива и Индию, Японии — Восточную Азию, а США — Америку¹³⁸.

В ноябрьском за 1942 г. номере журнала «Коа» бывший посол Японии в СССР Ё. Татэкава в статье «Впечатления от СССР» писал: «При заключении японо-германо-итальянского военного союза шли разговоры о привлечении и СССР на сторону оси в целях использования последнего против союзных стран. Однако этого Германии сделать не удалось вследствие чрезмерных требований со стороны Советского Союза»¹³⁹. Посол умалчивал о том, что впервые эта идея была выдвинута японцами.

В докладной записке советника полпредства СССР в Токио Д. А. Жукова, хранившейся в фонде секретариата заместителя НКВД С. А. Лозовского за 1940 г., сообщалось о «ширяющихся в японских военно-политических кругах настроениях в пользу нормализации отношений с СССР с тем, чтобы внимание последнего могло быть полностью обращено на европейские проблемы». Так, бывший посол Японии Т. Сиратори в интервью газете «Хоти» заявил, что «урегулирование отношений с СССР является для нас (Японии. — *Прим. ред.*) самой неотложной задачей. Добившись отказа СССР от помощи Чан Кайши, мы должны добиться того, чтобы он двинул всю свою силу на запад и на юг Европы».

В подобных высказываниях советник полпредства СССР видел проявления недовольства правящих кругов установлением «дружественных отношений между СССР и Германией», стремление добиться «ослабления внимания Советского Союза на дела на Дальнем Востоке» и заставить США и Англию, подвергнутых запугиванию возможностью сближения Японии с СССР, «пойти на уступки Японии в дальневосточных делах»¹⁴⁰.

Д. А. Жуков отмечал далее, что стремление к нормализации отношений с СССР прослеживалось в выступлениях в парламенте и в прессе высших руководителей Японии. Так, 16 ян-

варя 1940 г. новый министр иностранных дел Японии Х. Арита заявил в интервью: «Исходя из новой ситуации, создавшейся в результате усиления советско-германского сближения, Япония... не без разумных на то оснований, должна была урегулировать отношения с Советским Союзом самостоятельным путем. Мы намерены сделать все возможное для урегулирования отношений с Советским Союзом». В том же духе высказывался 17 января на пресс-конференции только что занявший пост премьер-министра Японии адмирал М. Ионаи¹⁴¹.

В то же время Х. Арита счел необходимым заявить в парламенте, что отношения Японии с Германией и Италией становятся «более сердечными, чем когда-либо с момента заключения Анτικοинтерновского соглашения», а военный министр С. Хата твердо сказал парламентариям, что «кровь, пролитая в Номонхане (на Халхин-Голе. — *Прим. ред.*), никогда не будет забыта»¹⁴².

В этих условиях естественным для советского правительства было стремление сделать все для того, чтобы отвести японскую угрозу от своих границ, тем более что у японской стороны стали все более четко проявляться антиамериканские настроения, поддерживавшиеся Берлином.

В «Обзоре внешней политики Японии за 1940 г.» советник полпредства СССР Я. А. Малик отмечал, что одним из элементов внешнеполитической программы «военщины и экстремистского лагеря» Японии являлось «временное урегулирование отношений с СССР для обеспечения северных границ Японии и концентрации всего внимания на южную экспансию».

К. А. Сметанин в докладе В. М. Молотову о беседах 3 и 6 июня 1940 г. с германским послом О. Оттом сообщал, что если 30 мая О. Отт выдвигал идею объединения СССР, Японии и Германии в противовес Англии и США, то теперь он говорил о блоке СССР, Японии и Чан Кайши при содействии Германии против США¹⁴³.

В докладной записке на имя С. А. Лозовского от 20 сентября 1940 г., анализируя отношение к СССР нового японского правительства во главе с Ф. Коноэ, в частности высказывание министра иностранных дел Ё. Мацуоки, советник полпредства СССР Д. А. Жуков делал вывод, что определенное желание постараться достичь какого-либо конкретного соглашения с СССР имеет для японских правящих кругов цель, «закрепив свои позиции на севере, сосредоточить свое внимание на разрешении китайской проблемы и на южной экспансии»¹⁴⁴. В этот период в том же направлении повысил активность, причем явно с подачи японских «друзей», германский посол О. Отт.

В дневнике К. А. Сметанина за 30 декабря 1940 г. отмечается, что 28 декабря на завтраке в полпредстве СССР в ответ на напоминание германского посла О. Отта о прежних беседах относительно «необходимости освобождения японцев от давления на них на севере с тем, чтобы они могли быть более свободными на юге», К. А. Сметанин «в осторожной форме» заметил, что «осуществление стремления на юг с урегулированием северных вопросов зависит во многом от японцев»¹⁴⁵. Кстати, употребленный оборот «в осторожной форме» свидетельствует о том, что советский полпред, вероятно, не имел конкретных указаний правительства СССР вести прямые и серьезные переговоры о четырехстороннем союзе. Очевидно, что советское руководство отдавало себе отчет (а дипломаты ориентировали его в этом духе) в том, что Япония ведет по отношению к СССР «политику с двойным дном». «Как мне кажется, — справедливо отмечал Д. А. Жуков, — это желание урегулировать отношения с СССР, высказываемое некоторыми «трезвыми политиками» из правящей клики Японии, не отодвигает, конечно, на задний план желание отомстить за «кровь, пролитую на Хасане и у Номонхана», как заявил бывший военмин Хата на последней сессии парламента. Желание урегулировать отношения с СССР диктуется необходимостью, страстным стремлением поскорее покончить с китайской авантюрой, развязав себе руки, получить кое-какие выгоды из второй империалистической войны, без чего Япония не в состоянии поправить свою экономику, расшатанную китайской авантюрой»¹⁴⁶.

К концу 1940 г. и германское руководство склонялось к тому, чтобы прозондировать возможность присоединения Советского Союза к Тройственному пакту на собственных условиях. Тем самым Берлин преследовал двойственную цель: столкнуть СССР с Вели-

А. Гитлер пожимает руку И. Риббентропу во время присоединения Болгарии к Тройственному пакту

кобританией и ослабить ее международные позиции, а также замаскировать развернутую Германией подготовку к нападению на СССР.

Ответ советского правительства был передан 25 ноября. Формально СССР выразил готовность «принять проект пакта четырех держав о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи», но выдвинул ряд условий, по существу, исключавших его присоединение к Тройственному пакту, ибо эти условия затрагивали интересы Германии. Так, Советский Союз вновь потребовал оказать содействие в заключении советско-болгарского договора о взаимной помощи, создания режима благоприятствования для СССР в черноморских проливах, а для этого — гарантировать базу в Босфоре и Дарданеллах на условиях долгосрочной аренды для некоторого количества военно-морских и сухопутных сил СССР. Особо подчеркивалось, что «зона к югу от Батуми и Баку в общем направлении в сторону Персидского залива признается центром территориальных устремлений СССР». Советский Союз требовал немедленно вывести немецкие войска из Финляндии и оказать давление на Японию с тем, чтобы та отказалась от концессий на Северном Сахалине¹⁴⁷.

В итоге германское руководство уклонилось от ответа на советские предложения. Таким образом, советское руководство в ответ на германские и японские дипломатические маневры выдвигало конкретные требования, руководствуясь национально-государственными интересами СССР. Берлин и Токио не смогли побудить Москву содействовать реализации замыслов Германии и Японии.

Немецкий танк на берегу горной речки в Греции

Итальянские солдаты у пулемета на позиции в Греции

Группа британских пленных у разрушенного дома в Греции

Немецкие солдаты на улицах оккупированной столицы Греции — города Афины

Греческий генерал Г. Цолакоглу и обергруппенфюрер СС Й. Дитрих
во время подписания капитуляции Греции

Зимой 1940 — весной 1941 г. европейские державы вели активную борьбу за контроль над Балканским регионом и Средиземноморьем. Еще в начале сентября 1940 г. Болгария при поддержке Германии и Италии добилась возвращения ей Румынией Южной Добруджи, утраченной после Первой мировой войны. В конце сентября советское руководство предложило правительству Болгарии заключить пакт о взаимопомощи между двумя странами. Однако София не считала возможным заключать с СССР какой-либо политический договор.

В конце ноября 1940 г. Москва вновь выдвинула инициативу в отношении двустороннего договора о взаимопомощи с Болгарией. При условии заключения такого договора СССР готов был не только предоставить гарантии Болгарии, но и поддержать ее «справедливые территориальные притязания» на Балканах (в отношении Греции и Турции), а также оказать Софии экономическую помощь. Заключение советско-болгарского договора снимало бы возражения Москвы против подписания Болгарией Тройственного пакта¹⁴⁸. Однако болгарское правительство отклонило советские предложения и интенсифицировало переговоры о присоединении к Тройственному пакту.

Советское правительство пыталось отстаивать свои интересы в Болгарии через контакты с Берлином. 25 ноября В. М. Молотов сделал послу Ф. фон Шуленбургу заявление, в котором, в частности, говорилось: «Советское правительство несколько раз заявляло германскому правительству, что оно считает территорию Болгарии и обоих Проливов зоной безопасности СССР, ввиду чего оно не может остаться безучастным к событиям, угрожающим безопасно-

сти СССР. Ввиду всего этого советское правительство считает своим долгом предупредить, что появление каких-либо иностранных вооруженных сил на территории Болгарии и обоих Проливов оно будет считать нарушением интересов безопасности СССР»¹⁴⁹.

Однако реакции на эти протесты из Берлина не последовало. 1 марта 1941 г. Болгария присоединилась к Тройственному пакту и дала согласие на ввод в страну германских войск. В тот же день группировка вермахта численностью почти 700 тыс. человек начала размещаться в Болгарии. Германия заметно усилила свои позиции на Балканах, и это кардинально меняло всю ситуацию в регионе — Германия становилась господствующей силой на Балканах. Такого положения не могли компенсировать «ни последовавшая затем высадка английского ограниченного контингента в Греции, ни неудача итальянского наступления против греческой армии в марте»¹⁵⁰.

Действия Германии вызвали справедливое неприятие советского руководства. Нарком В. М. Молотов ясно сформулировал советскую позицию в заявлении германскому послу Ф. фон Шуленбургу 1 марта 1941 г.:

«1. Очень жаль, что, несмотря на предупреждение со стороны советского правительства в его демарше от 25 ноября 1940 года, германское правительство сочло возможным стать на путь нарушения интересов безопасности СССР и решило занять войсками Болгарию.

2. Ввиду того что советское правительство остается на базе его демарша от 25 ноября, германское правительство должно понять, что оно не может рассчитывать на поддержку его действий в Болгарии со стороны СССР»¹⁵¹.

Советско-германские противоречия становились все более явными.

25 марта 1941 г. о присоединении к Тройственному пакту заявило правительство Югославии. Но эта акция вызвала недовольство значительной части населения Югославии и ее армейских кругов. 27 марта группа офицеров военно-воздушных сил при поддержке сербской демократической оппозиции совершила проанглийский военный переворот: произошла смена королевской власти, было сформировано новое правительство национального единства.

Новое руководство Югославии ориентировалось на Великобританию и СССР. Советское правительство поддерживало антигерманские настроения в Югославии. Первый заместитель наркома А. Я. Вышинский в беседе с посланником Югославии в Москве М. Гавриловичем 3 апреля 1941 г. сказал, «что югославское правительство должно решительно отстаивать свою независимость, не допускать, чтобы под всякими предложениями немецкие агенты проникли, просочились в разные учреждения, фактически захватили их в свои руки. Нужно не забывать, что независимость страны лучше всего можно сохранить, сохранив сильную армию»¹⁵².

5 апреля 1941 г. Советский Союз и Югославия заключили договор о дружбе и ненападении. Стороны взаимно обязались «воздерживаться от всякого нападения в отношении друг друга и уважать независимость, суверенные права и территориальную целостность СССР и Югославии»¹⁵³. При этом СССР выразил готовность оказать Югославии материально-техническую помощь, в частности поставками оружия.

Советско-югославский договор должен был стать предупреждением Германии о советской позиции. Однако гитлеровское руководство, готовившее нападение на СССР, не намеревалось считаться с позицией Москвы. Фашистская Германия с участием Италии и Венгрии быстро подготовила мощный удар по Югославии и Греции. Военные действия начались 6 апреля 1941 г. Всего против двух балканских стран были брошены свыше 80 дивизий¹⁵⁴. Ни Югославия, ни Греция не располагали танковыми и моторизованными дивизиями, их авиация по численности почти в пять раз уступала германской. Военный успех агрессоров был предрешен. 15 апреля 1941 г. король и правительство Югославии выехали в Грецию, а затем перебрались в Египет. 17 апреля представители верховного командования югославской армии подписали акт о безоговорочной капитуляции.

Югославия перестала существовать как единое независимое государство. Территория страны была разделена на четыре оккупационные зоны: Германии, Италии, Венгрии и Болгарии. Черногория стала «губернаторством» Италии. Марионеточными государствами,

полностью зависимыми от оккупантов, стали Хорватия и Сербия. Советский Союз не смог оказать Югославии реальной помощи.

Греция также не в силах была противостоять превосходящим силам агрессоров. Греческие вооруженные силы потерпели поражение, и 29 апреля 1941 г. представители их командования подписали акт о капитуляции. Основные силы британского экспедиционного корпуса были эвакуированы в Египет. Туда же англичане вывезли короля Греции и правительство страны. В начале июня вся территория Греции была оккупирована германскими, итальянскими и болгарскими войсками.

20 мая 1941 г. германское командование организовало высадку массированного воздушного десанта на греческий остров Крит. К 1 июня сопротивление базировавшихся на острове британских войск было сломлено, Балканский регион оказался полностью под контролем фашистских агрессоров и их ставленников. Ни Великобритания, ни Советский Союз не смогли этому помешать.

СССР не удалось воспрепятствовать германской экспансии в этом регионе и расширению Тройственного пакта. События на Балканах выявили особенности политической линии советского руководства: добиваться укрепления международных позиций СССР; оставаться вне воюющих группировок; оказывать осторожное противодействие дальнейшему усилению Германии; не поддерживать военные усилия Англии.

Военная кампания на Балканах вынудила германское руководство отсрочить нападение на Советский Союз, которое первоначально намечалось на середину мая 1941 г.

Советская помощь Китаю и Монголии в борьбе против японской агрессии

Советско-китайское военно-политическое сотрудничество имеет богатую историю, оно скреплено кровью многих сотен граждан СССР, отдавших свои жизни в общей борьбе за суверенитет и независимость Китая, на которые не раз посягала Япония.

Основа для многолетнего упорного сопротивления Китая японской агрессии закладывалась при помощи СССР задолго до вторжения вооруженных сил Японии в китайскую Маньчжурию в сентябре 1931 г., ставшего отправной точкой масштабной экспансии в эту и ряд других стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Знаковым событием в этом отношении было решение руководства молодой Советской республики от 4 января 1923 г. поддержать созданную в 1921 г. Национально-демократическую партию Китая (Гоминьдан Сунь Ятсена). Эта партия сформировала свое правительство на юге Китая со столицей в Гуанчжоу (Кантон) и обратилась к СССР с просьбой оказать китайской революции материальную и военную помощь, а также прислать советников. Это решение послужило своеобразной отправной точкой в военном сотрудничестве двух стран. В том же году в Москву прибыла китайская военная делегация во главе с начальником генерального штаба южно-китайского правительства Чан Кайши, которая была принята на самом высоком уровне. В ходе переговоров удалось достичь договоренности о предоставлении Китаю военных советников для оказания помощи его руководству в создании своих вооруженных сил и подготовке в Советском Союзе китайских национальных военных кадров¹⁵⁵.

Первые группы советских политических и военных советников прибыли в Кантон в сентябре 1923 г. Всего по 1927 г. в Китае работали около 135 советников из Советского Союза. Главным политическим советником в Южном Китае был назначен М. М. Бородин, главным военным советником — П. А. Павлов.

Одним из основных направлений деятельности советских специалистов, работавших в национально-революционных вооруженных силах, являлось обучение и воспитание

офицерских кадров. С этой целью были созданы различные офицерские школы, в которых обучались и будущие командиры войск, руководимых Коммунистической партией Китая (КПК). Самой крупной из них была школа Вампу (Хуанпу) в Южном Китае. Расходы, связанные с ее организацией и деятельностью на протяжении 1924–1925 гг., полностью взяло на себя советское правительство. Весь учебный процесс в школе — от составления учебных программ до индивидуальных занятий с курсантами — был возложен на советских военных советников. Особое значение придавалось преподаванию специальных дисциплин, политической подготовке курсантов. К середине 1926 г. в школе были подготовлены более 6 тыс. офицеров, составивших костяк армии революционного юга.

Были созданы школы: артиллерийская, пулеметная, пехотная, кавалерийская и контр-разведчиков. Первый выпуск офицеров (250 кавалеристов и 115 артиллеристов) был проведен в конце сентября 1925 г. В том же году 70 курсантов окончили инженерную школу, а 38 генералов и офицеров — высшую пехотную школу. В результате деятельности советников была создана китайская кавалерия (как особый род войск)¹⁵⁶.

Большое значение для повышения военно-теоретического и военно-практического уровня китайских офицеров имело их обучение в военных учебных заведениях СССР. В 1927 г. 50 человек стали выпускниками советских военных академий, а 56 человек (35 авиаспециалистов и 21 пехотный и артиллерийский командир) — военных училищ. В том же году в советские военные учебные заведения были приняты 163 человека¹⁵⁷. Китайские военнослужащие, обучавшиеся в СССР, стали наиболее подготовленными офицерами Национально-революционной армии (НРА) Китая.

Обстановка в Китае была в то время весьма непростой, в стране бушевала гражданская война. После смерти в 1925 г. Сунь Ятсена в Гоминьдане значительно укрепились позиции Чан Кайши, который в 1927 г. произвел военный переворот с целью установления личной власти, выступив против коммунистов. Обострение межпартийных противоречий в Китае сказалось и на межгосударственных отношениях с Советским Союзом: дело доходило до вооруженных столкновений, как это было, например, в 1929 г. в районе Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), и разрыва дипломатических отношений¹⁵⁸. К тому же США и Англия стремились укрепить в Китае свои позиции.

Внешняя политика Японии в 1920–1930-х гг. характеризовалась такими шагами, как давно готовившаяся отправка в 1927 и 1928 гг. японских войск в Шаньдун, тайное и открытое вмешательство в междоусобицу милитаристских клик Китая, провозглашение непримиримой борьбы с коммунистическим и другими оппозиционными движениями не только в Японии, но и повсюду в Азии.

Овладение Маньчжуро-Монгольским регионом не было самоцелью. Японские милитаристы рассматривали этот регион, в первую очередь Маньчжурию, как «арсенал» Японии, которой были нужны естественные богатства этих земель. Без обладания Маньчжурией с ее ресурсами и выгодным геостратегическим положением военные и политические лидеры страны не представляли возможным ни достижение одной из своих заветных целей — овладение восточной частью территории СССР, ни порабощение всего Китая, ни вытеснение «белых колонизаторов» из Восточной и Юго-Восточной Азии¹⁵⁹.

После захвата Маньчжурии в начале 1930-х гг. Япония начала планомерную колонизацию китайских территорий. По составленному в 1936 г. плану через 20 лет предполагалось на 50 млн жителей Маньчжурии иметь 5 млн японских колонистов. К 1945 г. в Маньчжурии уже насчитывалось около 1 млн японских колонистов. Мужчины расценивались как резерв для формирования частей Квантунской армии¹⁶⁰. Закрепление колонистов сопровождалось массовым изгнанием китайских крестьян с их исконных земель.

Даже сокращенный перечень злодеяний японских оккупантов в материалах Токийского процесса составил два объемистых тома. Как отмечалось в обвинительном акте, японские агрессоры в широких масштабах осуществляли «нарушения признанных обычаев и правил войны путем убийств населения, увечья, глумления над военнослужащими, интернированными гражданскими лицами... хищения общественной и частной собственности, бес-

смысленного, не оправданного военной необходимостью разрушения городов и деревень, совершения массовых убийств, насилий, грабежей, разбоя, пыток и других жестокостей в отношении беспомощного гражданского населения захваченных стран»¹⁶¹.

Направленность японской экспансии на северо-восток Китая, несмотря на некоторые неудобства, в принципе устраивала США и Англию, ибо это означало приближение японских войск к советской границе. Реакция США и других западных держав на широкомасштабную агрессию Японии в Северо-Восточном Китае ограничивалась, как правило, словесным осуждением и посылкой от Лиги Наций комиссии В. Литтона, которая без труда определила, что захват Маньчжурии — чистой воды агрессия. Япония, понимавшая, что к открытому конфликту с Западом она еще не готова, выдвинула в Лиге Наций, казалось, беспроеигрышный аргумент: Маньчжурия оккупирована с единственной целью — сделать ее оплотом в борьбе против Советского Союза, так как происходящий под его влиянием рост коммунизма в Китае «представляет собой вопрос огромной важности для европейских государств, Соединенных Штатов, по сравнению с которым все другие проблемы теряют всякое значение»¹⁶².

Но Япония не учла, что общественное мнение в Европе в те дни уже становилось антифашистским: к власти рвался А. Гитлер, требовавший пересмотра итогов Первой мировой войны. 24 февраля 1933 г. международное сообщество утвердило доклад В. Литтона, после чего Япония демонстративно вышла из состава Лиги Наций¹⁶³. Оставалось ждать санкций, однако их не последовало.

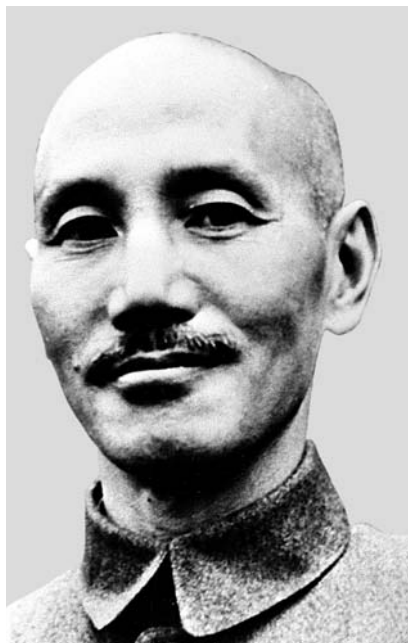
31 мая 1933 г. китайское правительство вынуждено было пойти на подписание перемирия с японским командованием, признав контроль японцев над Северо-Восточным Китаем и частью Северного Китая¹⁶⁴.

Громкая на словах, но поразительно беззубая на деле позиция ведущих держав мира объясняется прозаически просто. В Вашингтоне считали, что военные действия Японии в Маньчжурии заставят Чан Кайши, правителя Центрального Китая, ориентироваться на США и Англию, приведут к обострению японо-советских отношений, а может быть, и к столкновению Японии и СССР. Принималось в расчет и то, что Япония могла быть использована в случае необходимости для подавления национально-освободительного движения в Китае. Интересы Франции сводились главным образом к тому, чтобы отвлечь внимание Японии от Индокитая, где доминировал Париж¹⁶⁵.

Более того, империалистические державы, особенно США и Великобритания, поощряя северное направление японской агрессии, на протяжении 1930-х гг. оказывали Токио все возрастающую экономическую помощь и прямую военную поддержку. В период с осени 1931 г. и по 1932 г. включительно американские деловые круги предоставили Японии военную помощь на сумму 181 млн долларов. Сразу после вторжения японских войск в северо-восточные провинции Китая поток военно-стратегических материалов, которые импортировала Япония из США, Англии и Франции, многократно возрос. Политика умиротворения и поощрения японского агрессора имела недвусмысленный антисоветский подтекст¹⁶⁶.

Лишь Советский Союз, который не был в то время допущен ни в Лигу Наций (СССР вступил в эту международную организацию в 1934 г.), ни в вашингтонскую договорную систему, неизменно требовал прекращения японской агрессии.

12 декабря 1932 г. были восстановлены дипломатические и консульские отношения между Советским Союзом и Китаем¹⁶⁷. СССР, провозгласивший идеи общего разоружения и создания системы коллективной безопасности, приложил немалые усилия, чтобы, опираясь на Коминтерн, объявивший вооруженный конфликт в Маньчжурии «агрессивной войной Японии против Китая», объединить усилия антифашистских сил в борьбе за мир. «Первыми, кто увидел растущую угрозу миру со стороны фашистской Германии и быстро милитаризируемой Японии, были коммунисты, которые, собравшись в июле 1935 г. в Москве на VII конгресс Коминтерна, призвали все демократические силы создать общенародный фронт борьбы против фашизма... Это ознаменовало возврат России в международное сообщество в качестве сторонника порядка и мира, а не находящегося в изоляции защитника революции и радикализма... Самое важное, что советская инициатива дала определенную

Чан Кайши

концептуальную ясность мировой ситуации, которая характеризовалась нестабильностью и противоречивостью»¹⁶⁸. К сожалению, призыв Советского Союза и Коминтерна не нашел понимания у правительств западных держав, да и позиция руководства СССР была не всегда последовательна.

7 августа 1936 г. японское правительство приняло «Основные принципы национальной политики». С этого времени в числе главных противников стали называться наряду с СССР и Соединенные Штаты¹⁶⁹. Но это ни в коей мере не означало, что подготовка на северном, континентальном направлении была ослаблена. Наоборот, военные приготовления здесь резко активизировались, что в известной мере вуалировалось бумом высказываний о необходимости движения на юг.

7 июля 1937 г. Япония развязала прямую агрессию против Китая¹⁷⁰. Советское руководство с полным основанием усматривало в этом угрозу безопасности своей стране с востока, поскольку японское военное командование последовательно создавало на северо-востоке Китая военно-стратегический плацдарм, в том числе для последующего нападения на Советский Союз и Монгольскую Народную Республику, что впоследствии подтвердилось вооруженными вторжениями японских войск на советскую территорию у озера Хасан и в Монголию в районе реки Халхин-Гол.

Советский Союз вполне обоснованно считал, что противодействие Китая японской агрессии способствует отвлечению, хотя бы временному, японских вооруженных сил от реализации планов нападения на советские Сибирь и Дальний Восток. Исходя из этого, а также поддерживая справедливую войну Китая против японских захватчиков, СССР продолжал оказывать китайскому правительству значительную помощь.

21 августа 1937 г. между Советским Союзом и Китаем был подписан договор о ненападении. В тот период это был, по существу, единственный международно-правовой документ, укреплявший позиции Китая в войне с Японией. Заключение договора не ограничивалось лишь обязательствами не совершать агрессивных действий друг против друга, а было, по

сути, соглашением о взаимопомощи в борьбе с японскими интервентами. При подписании документа стороны обменялись устными декларациями, не подлежавшими оглашению. Одна из них зафиксировала обязательство СССР не заключать с Японией договор о ненападении, пока нормальные отношения между Китаем и Японией не будут восстановлены¹⁷¹. Москва выполнила это свое обязательство, ограничившись подписанием с Японией 13 апреля 1941 г. пакта о нейтралитете.

В то же время стратегия Советского Союза состояла в том, чтобы избежать войны на два фронта — на западе и востоке, и эта стратегия сохранялась до 1945 г. Договор не содержал прямого обязательства Советского Союза принимать участие в войне против Японии на стороне Китая, но и не препятствовал, как и пакт о нейтралитете с Японией, осуществлению ему косвенной помощи, не давая Токио формального повода обвинять СССР в антияпонской направленности договора. Примечательно, что Китай вел борьбу с японским агрессором без официального объявления войны Японии, которая скрывала факт ведения тотальной войны против Китайской Республики под эвфемизмом «инцидент». Лишь 9 декабря 1941 г., после вступления в войну с Японией США, китайское руководство также объявило о состоянии войны с Японией.

Обстановка в Китае в то время была довольно сложной. Его промышленность и сельское хозяйство находились на крайне низком уровне, к тому же в стране продолжалась затяжная гражданская война между войсками гоминьдановского правительства, вооруженными формированиями не подчинявшихся ему провинций и народно-революционными силами Китая. Перед нападением японских агрессоров Китай не располагал единой армией: существовали армия центрального правительства, вооруженные формирования губернаторов провинций и Красная армия — вооруженные силы, руководимые китайской компартией. Единого командования, четкой организационной структуры не было, в вооружении и снабжении наблюдался полный разноряд.

Учитывая военно-техническую отсталость Китая, японское командование делало ставку на молниеносную войну. Оно предполагало за неделю захватить Шанхай, за месяц — Северный Китай, за три месяца — весь Китай. Предполагалось ударами с севера на юг и от Шанхая на запад в районе Уханя окружить и уничтожить главные силы китайской армии.

Японские войска развернули широкомасштабное наступление одновременно в Северном и Центральном Китае. Здесь завязались ожесточенные бои. В этой обстановке руководство Гоминьдана было вынуждено вступить в сотрудничество с китайской компартией, к чему давно призывала Москва. В результате был образован единый национальный антияпонский фронт. Находившаяся под контролем компартии местность в пограничном районе Шэньси — Ганьсу — Нинся (Шэньганьнин) была объявлена Особым районом Китайской республики. Части Красной армии в Северном Китае (45 тыс. человек) стали именоваться 8-й народно-революционной армией (НРА), а в Центральном Китае (12 тыс. человек) — Новой 4-й НРА. Они вошли в состав Национальной армии Китая, но руководство ими осталось в руках компартии¹⁷².

Расчет китайского командования был на затяжную войну — изнурение, истощение физических и моральных сил противника, однако под ударами японских войск слабая, хотя и многочисленная китайская армия вынуждена была отходить. В Центральном Китае, применив маневр на окружение и отравляющие вещества, японцы 12 ноября 1937 г. овладели Шанхаем и создали угрозу тогдашней столице Китая — Нанкину. Используя достигнутый успех, японские войска во второй половине ноября начали наступление вдоль железной дороги Шанхай — Нанкин и шоссе Ханчжоу — Нанкин. К концу ноября Нанкин был охвачен японскими войсками с трех сторон, а 7 декабря подвергся варварской бомбардировке японской авиацией. 13 декабря японцы ворвались в китайскую столицу и учинили кровавую резню, в результате которой погибли около 50 тыс. человек (за шесть недель по приказу своего командования японцы уничтожили более 200 тыс. мирных жителей и безоружных военнопленных)¹⁷³. В результате падения Шанхая и Нанкина образовались два изолированных фронта борьбы — северный и южный. Столица Китая была перенесена в Чунцин.

Захватив плацдармы в Северном и Центральном Китае, японское командование приступило к подготовке дальнейших операций. Захватчики устраивали массовые расправы над населением и военнопленными, применяли химическое и бактериологическое оружие. Однако Китай продолжал борьбу, и Япония постепенно втягивалась в затяжную войну. Стабилизации обстановки в Китае во многом способствовала помощь, оказанная Советским Союзом борющейся за независимость стране.

Чан Кайши неоднократно обращался к Советскому Союзу с призывами вступить в военные действия против Японии на стороне Китая. В частности, 26 ноября 1937 г. он направил И. В. Сталину телеграмму с просьбой послать советские войска в Китай «для спасения опасного положения в Восточной Азии»¹⁷⁴, на что СССР пойти не мог. В обстановке нараставшей напряженности и неопределенности в Европе и на Дальнем Востоке Советский Союз не считал возможным вступать в открытый военный союз с Китаем и тем самым фактически открывать фронт войны с Японией. Однако письмо Чан Кайши стало формальным поводом увеличить объемы и ассортимент поставляемой Китаю помощи.

В ответ на обращения китайского лидера Москва вплоть до нападения Германии на Советский Союз отвечала, что СССР может вступить в войну с Японией только при одном из следующих трех обстоятельств: а) в случае, если Япония нападет на СССР; б) в случае совместного вступления в войну с Японией одновременно трех держав: США, Великобритании и СССР; в) в случае, если Лига Наций примет решение, рекомендуемое тихоокеанским державам предпринять военные акции против Японии¹⁷⁵.

Несмотря на то что ведущие страны мира выступили с осуждением Японии, никаких санкций против нее не было принято. У западных держав в Китае были достаточно крупные экономические интересы, но в те дни казалось, что раздраемый междуособными противоречиями Китай падет в течение буквально нескольких недель. Сохранения своих экономических позиций и обеспечения поворота японской агрессии на север, против СССР, как представлялось западным лидерам, в первую очередь Англии, можно было достичь лишь компромиссом с побеждающей, как казалось, Китай Японией.

Японские стратеги были убеждены, что им ничего не грозит со стороны США, Англии и Франции. Уверенность в безнаказанности привела к тому, что японские офицеры потопили в Янцзы американскую и захватили английскую канонерские лодки. Американцы отметили несколько сотен «случаев посягательства на американские права в Китае». Американский президент, исходя из всего этого, пригласил к себе английского посла Р. Линдсея и предложил осуществить совместную блокаду Японии.

Реакция в Лондоне была близкой к панике: правительство Н. Чемберлена в те дни готовило тайную сделку с Токио. 13 января 1938 г. Н. Чемберлен официально отверг американский план и пошел на интенсивные переговоры с Токио об «урегулировании» всех спорных вопросов, связанных с японской агрессией в Китае, и о гарантии британских интересов в Южном и Центральном Китае, как отмечал советский разведчик Р. Зорге, за счет уступок Японии в ее действиях «севернее Желтой реки»¹⁷⁶. Английские и японские государственные деятели не жалели теплых слов, выражая надежды на будущее сотрудничество, несмотря на то что к тому времени в Нанкине уже были убиты свыше 200 тыс. мирных жителей. Все это развешивало руки японским милитаристам, поскольку Япония могла не опасаться блокады.

Советской дипломатией был сделан в то время правильный вывод: «Правительство Чемберлена совместно с фашистскими правительствами Германии и Италии заинтересованы вытащить Японию из затеянной ею опасной авантюры в Китае и толкнуть ее против СССР»¹⁷⁷. Советский Союз тогда остался один на один с японской угрозой.

Советский Союз уже осенью 1937 г. начал масштабные поставки в Китай военной техники. В 1938 г. он предоставил Китаю заем в 100 млн и передал безвозмездно 100 тыс. долларов. В период между августом 1937 г. и январем 1939 г. в Китай было поставлено советской военной техники и оружия на сумму 300 млн рублей, в том числе 361 самолет, также были направлены добровольцы, в первую очередь летчики. Эта помощь постоянно наращивалась.

Колонна японских танков на дороге в Китае

Китайский пулеметчик в уличных боях

На сентябрь 1939 г. Советский Союз поставил Китаю уже 985 самолетов, 82 танка, более 1300 артиллерийских орудий, свыше 14 тыс. пулеметов, а также боеприпасы, оборудование и снаряжение¹⁷⁸.

В дальнейшем СССР продолжал предоставление Китаю льготных кредитов, в счет которых китайская армия получила боевую технику для вооружения 20 дивизий. В 1937–1941 гг. СССР поставил Китаю свыше тысячи самолетов, около сотни танков, тысячи единиц артиллерийского и стрелкового оружия. При решении задач повышения боеготовности и оснащенности своих вооруженных сил китайское правительство широко опиралось не только на материальную помощь со стороны СССР, но и на опыт советских военных и гражданских специалистов. К началу апреля 1939 г. в оказании непосредственной военной помощи Китаю активно участвовали 5002 советских добровольца, в том числе 46 военных советников (к октябрю 1939 г. советнический аппарат вырос до 80 человек), 11 инструкторов, 24 различных специалиста, 446 человек из состава особых авиационных групп (включая авиатехников), а также 4475 бойцов и командиров, которые охраняли и обслуживали трассу Алма-Ата — Урумчи — Ланьчжоу (227 из них погибли или умерли от ран, в основном летчики-добровольцы — 211 человек)¹⁷⁹. Кроме того что советская позиция ясно продемонстрировала нежелание СССР мириться с усилением агрессивных тенденций в политике Японии, его помощь Китаю была еще и существенным фактором, направленным на срыв японских планов блицкрига в этой стране.

Для оказания помощи китайскому народу в борьбе с японскими агрессорами в Китай вновь и вновь направлялись большие группы советских военных советников и специалистов-добровольцев. Среди советских военных советников в период с 1937 по 1947 г. были видные в будущем военачальники П. Ф. Батицкий, М. И. Дратвин, П. Ф. Жигарев, К. П. Казаков, А. Я. Калягин, А. А. Лучинский, П. С. Рыбалко, Г. И. Тхор, А. И. Черепанов, В. И. Чуйков и многие другие. На 1 января 1941 г. в Китае насчитывалось 140 советских военных советников¹⁸⁰, проводивших большую работу по совершенствованию организационно-штатной структуры китайской армии, ее обучению и повышению оперативной подготовки китайских офицеров и генералов. Советские инструкторы-танкисты готовили экипажи китайских танков, как и инструкторы-артиллеристы и пехотинцы, принимали непосредственное участие в боевых действиях. В отражении японской агрессии велика заслуга советских летчиков-добровольцев.

В октябре 1937 г. в Китай отправились 177 летчиков бомбардировочной авиации и 101 летчик-истребитель, а в декабре к ним присоединились 63 летчика-бомбардировщика. Кроме того, тремя группами с ноября 1937 г. по январь 1938 г. в Китай прибыли еще 39 летчиков-истребителей, а также техники и ремонтники. Первые летчики-добровольцы находились в исключительно сложных условиях: им приходилось воевать с численно превосходящим противником, к тому же ограниченность аэродромной сети и полная неподготовленность имевшихся аэродромов к боевой деятельности вынуждали летчиков зачастую совершать полеты на предельную дальность. Боевая работа авиации проходила ежедневно: истребители прикрывали порученные им объекты, бомбардировщики бомбили аэродромы, суда на Янцзы и боевые порядки наступающих японских войск.

В 1937–1938 гг. организацией боевых действий советских летчиков-добровольцев и осуществлением связи с китайским командованием занимался помощник военного атташе в Китае по ВВС будущий главный маршал авиации П. Ф. Жигарев. В середине 1938 г. его сменил опытный летчик, участник боев в Испании Г. И. Тхор. Старшим советником по вопросам использования авиации (до середины марта 1938 г.) был Герой Советского Союза комбриг П. В. Рычагов, возглавлявший всю работу советских летчиков-добровольцев и формировавший авиационные группы для распределения их по фронтам Центрального и Южного Китая. Всего в 1937–1941 гг. в Китае побывали более 700 советских военных авиаторов-добровольцев (летчиков, штурманов, стрелков-радиостов и авиатехников)¹⁸¹.

В воздушных боях над Китаем советские летчики проявляли мужество, отвагу, боевое мастерство, нередко жертвуя жизнью. Смелыми и решительными действиями в небе Китая

Японские танки во время наступления в монгольской степи

Японский офицер ведет наблюдение во время боев на реке Халхин-Гол

Советские солдаты и офицеры фотографируются у разбитого японского бомбардировщика

Советские и японские офицеры на переговорах о прекращении огня на Халхин-Голе

они наносили серьезный урон авиации противника. К 1 мая 1938 г. было сбито 625 японских самолетов, практически уничтожены «непобедимые» японские авиаэскадрильи «Воздушные самураи» и «Четыре короля воздуха». В ВВС Японии выбыли из строя 1206 человек. А к 1940 г. японцы, по официальным данным, потеряли на земле и в воздухе 986 самолетов¹⁸².

В этот наиболее тяжелый период японо-китайской войны помощь США и Великобритании Китаю была чисто символической. Так, с июля 1937 г. по январь 1938 г. Китай получил от США 11 самолетов, 450 тонн пороха и в 10 раз меньше финансов, чем от СССР¹⁸³.

Затянувшаяся война в Китае по-прежнему сильно беспокоила японское руководство. Оно понимало, что одной из причин упорного сопротивления Китая являлась многообразная помощь ему со стороны СССР. Агрессивная акция Токио в районе озера Хасан не только не привела к снижению объема этой помощи, но и побудила расширить ее, что позволяло в какой-то мере снижать темпы японских приготовлений к войне против Советского Союза. Летом 1939 г., несмотря на ведение советскими войсками военных действий в Монголии, в Китай были направлены более 400 советских летчиков-добровольцев и авиатехников¹⁸⁴.

Провал японской агрессии в районе озера Хасан привел к дальнейшему снижению авторитета Японии среди европейских союзников, который был окончательно подорван событиями у реки Халхин-Гол в Монголии спустя год. Переговоры о тройственном военном союзе были сорваны, и Гитлер счел необходимым заключить союз («Стальной пакт») лишь с Италией. Но Японии удалось убедиться в том, что СССР сам не имел агрессивных намерений и не был готов идти на развитие военных действий за пределами своих границ, хотя японская пропаганда продолжала утверждать, что Чанкуфэн (Хасан) — результат агрессивной советской политики, что именно Советский Союз спровоцировал вооруженный конфликт.

К сожалению, в том, что касается позиции западных стран, которые были в состоянии вместе с Советским Союзом в зародыше ликвидировать замыслы Японии на мировую экспансию, принципиальных изменений не произошло. Западные державы вновь не сделали необходимых выводов из своей, по сути, подстрекательской политики в отношении Японии и отказались от сотрудничества с СССР.

Продолжая «политику Мюнхена» на Дальнем Востоке, Вашингтон, Лондон и Париж оказывали значительную помощь агрессору, отказывая в этом Китаю. Например, закон о нейтралитете США в течение первых двух лет японо-китайской войны не давал возможности Китаю закупать оружие и военные материалы в США. В то же время Вашингтон поставлял в Японию все необходимое для осуществления ее агрессии. Только в 1937 г. США экспортировали в Японию свыше 5,5 млн тонн нефти и более чем на 150 млн иен станков. В 1937–1939 гг. они предоставили Японии военную помощь и стратегическое сырье на сумму 511 млн долларов, что составило почти 70% всего американского экспорта в эту страну. Не менее 17% стратегических материалов шло в Японию из Англии. Лишь 26 июля 1939 г. Вашингтон расторг торговое соглашение с Японией, однако до июля 1940 г. продолжались безлицензионные поставки самолетов, запчастей к ним, оптических приборов, станков, нефти, свинца, металлолома и других стратегически важных товаров¹⁸⁵.

Для обоснования правомерности претензий на монгольскую территорию Япония в 1935 г. пошла на «картографическую агрессию», сфальсифицировав прохождение границы между Монголией и Маньчжоу-Го по реке Халхин-Гол, тогда как фактически она проходила в 20–25 км от реки, о чем свидетельствовали многочисленные документы монгольской стороны¹⁸⁶. Достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть стратегическую выгоду Монголии в качестве плацдарма для нанесения удара по кратчайшему направлению в сторону Байкала в целях наиболее эффективного решения задач варианта «Оцу» плана войны против СССР «Хати-го».

Братское взаимодействие СССР и МНР было гарантией суверенитета Монголии и безопасности советских границ. Еще 27 ноября 1934 г. по просьбе правительства МНР Советский Союз заключил с ней устное соглашение, в котором предусматривалась прямая военная взаимопомощь в случае нападения какой-либо третьей стороны¹⁸⁷. В декабре 1935 — январе

1936 г. на советско-монгольских переговорах в Москве были приняты важные решения об укреплении обороноспособности МНР, техническом оснащении и боевой подготовке ее армии, защите границ от японо-маньчжурских захватчиков¹⁸⁸. «Мощный натиск» в январе 1936 г. на «закрытые ворота границ Внешней Монголии», о котором писал во «Франкфуртер цайтунг» Р. Зорге, был не только отбит при первых же столкновениях, но и временно отложен из-за попытки фашистского переворота в Японии 26 февраля¹⁸⁹.

С разработкой плана «Хати-го» Япония развернула пропагандистскую кампанию, целью которой являлось убедить японское и международное общественное мнение в том, что СССР намеревается использовать МНР в качестве плацдарма для большевизации Внутренней Монголии, Маньчжоу-Го и Китая¹⁹⁰.

В докладной записке народному комиссару иностранных дел СССР от 5 февраля 1938 г. советский полпред в Японии М. М. Славуцкий писал, что активно дискутирующийся в Японии вопрос о создании «независимой» Монголии «своим острием направлен против МНР». «Пресса пестрит сообщениями, — докладывал в очередной записке полпред, — что войска МНР вступают или вступили в военные действия против Японии»¹⁹¹.

Длительные переговоры между монгольскими и японо-маньчжурскими властями ни к чему не привели, так как Японии не устраивал никакой другой вариант, кроме того, который создавал предлог для агрессии в любой удобный момент, что и произошло в мае 1939 г.

Японские планы завоевать так называемую Внешнюю Монголию, которую как Китай, так и Япония, несмотря на формирование в 1921 г. на этой территории Монгольской Народной Республики и признание ее Советским Союзом, считали частью Китайского государства, и создать стратегический плацдарм для нападения на СССР провалились, а сокрушительное поражение на поле боя убедило большую часть правящих кругов Японии, за исключением ряда военных руководителей, в опасности и бесперспективности ведения крупномасштабных операций против Вооруженных сил Советского Союза.

Разгром японских войск в монгольских степях (события на Халхин-Голе международный Токийский процесс квалифицировал как агрессивную войну Японии против СССР и МНР)¹⁹² и всесторонняя помощь со стороны СССР Китаю в течение всего периода агрессии Японии в этой стране имели огромное значение для организации сопротивления японскому нашествию со стороны китайского народа. Этот факт можно оценить еще глубже, если учесть, что к 1939 г. Китай потерял в войне более четверти своей территории, на которой проживали 170 млн человек, располагались важнейшие предприятия по производству угля (76%), чугуна (76%), нефти (99,8%), большая часть железных дорог (84%) была захвачена японскими оккупантами¹⁹³. Отмечая важность указанных выше конкретных фактов советской помощи Китаю, китайский историк Хэ Ли свидетельствует об «эффективности деятельности института военных советников из СССР», которыми были разработаны планы более 10 операций, подготовлены более 100 тысяч китайских военнослужащих, не говоря уж о том, что каждый десятый из воевавших в Китае советских летчиков погиб здесь в воздушных боях¹⁹⁴.

Значение принципиальной позиции СССР по отношению к агрессии Японии против Китая отмечали в свое время лидеры Гоминьдана и компартии этой страны. Так, в сентябре 1939 г. Чан Кайши в телеграмме И. В. Сталину констатировал: «С начала антияпонской войны Япония так и не смогла полностью использовать свои вооруженные силы против нас, так как значительная их часть была связана присутствием ваших сил на границах Северо-Восточного Китая»¹⁹⁵. А Мао Цзэдун 28 сентября 1939 г. писал: «Когда Япония напала на Китай, а Англия, США и Франция стали проводить политику невмешательства, Советский Союз не только заключил с Китаем договор о ненападении, но и активно стал помогать Китаю в борьбе против японских захватчиков»¹⁹⁶.

Великобритания, которая несла от японской политики наибольшие потери в Южном и Центральном Китае и Гонконге, продолжала занимать аналогичную умиротворенческую позицию. После неоднократного откладывания в июле 1939 г. в Токио открылась конференция между британскими и японскими официальными лицами с целью найти выход из сложившейся ситуации. 22 июля было достигнуто и подписано соглашение, одобренное

Монгольские кавалеристы в ходе боев на Халхин-Голе

Советские авиаторы и маршал Х. Чойбалсан на приеме в советском посольстве в Улан-Баторе

обоими правительствами, которое должно было послужить, но так и не послужило, базой для последующих переговоров. Одобрение британским правительством соглашения было расценено всеми как дипломатическая победа Японии и признание слабости Великобритании на Дальнем Востоке.

На первом этапе войны в Китае (до конца октября 1938 г.) японцы, несмотря на провал планов блицкрига, сумели захватить наиболее густонаселенные и экономически важные районы Китая с городами Бэйпин (Пекин), Тяньцзинь, Шанхай, Нанкин, Кантон и Ухань¹⁹⁷. К осени 1939 г. японцы контролировали более 25% всей территории Китая с населением около 200 млн человек¹⁹⁸. Однако благодаря деятельности советских военных советников и материальной помощи Китаю со стороны СССР Япония не смогла разгромить китайскую армию. Если в первый год войны японским войскам удалось продвинуться до 1000 км при темпе 12–18 км в сутки, то за второй год глубина продвижения японцев снизилась до 250–300 км при темпе 2–3 км в сутки. Резко сократились потери в китайской армии. Если в первый год войны китайская армия потеряла убитыми и ранеными в пять раз больше, чем японская, то во второй год потери воюющих сторон сравнялись. Китайцы, сохранив свои основные вооруженные силы, создали фронт на тысячи километров в несколько оборонительных линий, разрушив в тылу врага дороги на 60–100 км в глубину и лишив противника возможности использовать свое преимущество в технике¹⁹⁹. Период относительного затишья китайское военное командование использовало для пополнения своих поредевших в предыдущих боях дивизий, оснащения их за счет поступавшей из Советского Союза военной техники и всемерного развертывания партизанской войны в тылу японцев²⁰⁰.

16 июня 1939 г. был подписан советско-китайский торговый договор, который обеспечил надежную экономическую основу связей Китая с СССР в неблагоприятных условиях захвата Японией практически всех крупных китайских портов и блокады побережья. Основной поток советских грузов в Китай направлялся по железной дороге и далее советским автотранспортом по специально построенной в короткие сроки шоссейной дороге через провинцию Синьцзян²⁰¹.

Значительная и эффективная помощь Советского Союза Китаю вызывала серьезную обеспокоенность Японии, которая рассчитывала на скоротечную военную кампанию, поскольку считала Китай слабым, раздробленным государством, а оказалась не в состоянии сломить сопротивление китайского народа. Одной из причин, по которой Токио пошел на заключение с Москвой пакта о нейтралитете, являлся расчет на то, чтобы с его помощью воспрепятствовать продолжению советско-китайского сотрудничества. Неслучайно еще 2 июля 1940 г. японский посол в СССР С. Того на встрече с наркомом иностранных дел В. М. Молотовым внес предложение подписать пакт о нейтралитете, обусловив готовность японской стороны пойти на такой шаг тем, что советская сторона по своей воле откажется от предоставления помощи чунцинскому правительству. Однако постановка вопроса о заключении пакта о нейтралитете между Москвой и Токио с подобным условием была оценена советским руководством как политика японского вмешательства в советско-китайские отношения и отклонена.

После нападения 22 июня 1941 г. Германии на Советский Союз Москва была вынуждена сосредоточить все силы на борьбе с фашистскими захватчиками и приостановила оказание военной и иной помощи Китаю. Однако Чан Кайши продолжал ставить вопрос о вступлении СССР в войну на Дальнем Востоке, предлагая создать единый антияпонский фронт США, Великобритании, СССР и Китая. Советская сторона отмечала, в свою очередь, что главной для СССР являлась победа на антигерманском фронте, что будет означать общую победу против государств-агрессоров²⁰².

Проводя политику в отношении Китая, советскому руководству приходилось учитывать наличие китайской компартии, которая располагала своими вооруженными силами и базой в освобожденных районах. Москва побуждала руководство КПК к сотрудничеству с Гоминьданом в борьбе с японской агрессией. Однако Мао Цзэдун и его сторонники в руководстве компартии зачастую не проявляли активности в ведении антияпонской борьбы, стреми-

лись накапливать силы для противостояния с китайским центральным правительством, не желавшим идти на компромисс с оппозиционными силами. Это приводило к усугублению раскола страны в то время, когда особо остро ощущалась необходимость единства действий в борьбе за национальную независимость Китая.

Постепенно расширяя масштабы агрессии против Китая, Япония продолжала готовиться к большой войне с СССР. В Маньчжурии сооружался так называемый железобетонный пояс, который смог бы обеспечить скрытное наращивание сил и развертывание японской армии к готовящейся войне. В рамках этих приготовлений с 1939 г. осуществлялся трехлетний план развития северных районов Маньчжурии. К 1941 г. число укрепленных районов у советских границ достигло 13, а затем было доведено до 17. Их расположение и малая глубина говорили о том, что японская армия готовится к наступлению, а не к обороне. Шло и активное наращивание сил Квантунской группировки войск. Число дивизий за период с лета 1937 г. по лето 1941 г. возросло в четыре раза, а численность личного состава достигла 350 тыс. человек.

Быстрыми темпами увеличивалась техническая оснащенность группировки. За 1937–1941 гг. число орудий выросло более чем в четыре раза, танков — в два раза, самолетов — в три раза²⁰³. Масштабные приготовления Японии к военным действиям против СССР, создавая угрозу советским границам, отвлекали тем не менее японские вооруженные силы от операций, ведущихся на китайском фронте, и способствовали облегчению положения правительственных и подчиненных КПК китайских войск.

Нарком обороны СССР Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко в сообщении от 14 октября 1940 г. о военно-политическом положении Китая, адресованном И. В. Сталину и В. М. Молотову, отмечал: «Существование на севере Китая народно-революционных войск помимо политического значения имеет для нас и большое военное значение, так как оно является постоянной угрозой для японской армии как в северокитайских провинциях, так и в Маньчжурии. Кроме того, они в значительной мере препятствуют созданию японцами в Северном Китае плацдарма для нападения на СССР»²⁰⁴. Нарком также поставил вопрос о необходимости увеличения количества военных специалистов, сокращенного к тому времени до 60 человек. В Китай был направлен В. И. Чуйков с группой военных советников, уже имевший опыт работы в этой стране. Работать военным советникам приходилось в очень непростой обстановке, они принимали все меры для активизации действий китайской армии, в то время как Чан Кайши занимал выжидательную и провокационную позицию. При помощи советских военных советников китайские войска в 1941 г. смогли отбить все атаки японцев. Япония ни в одной из своих наступательных операций в Китае в этот период не добилась решающего успеха²⁰⁵.

Вследствие внутреннего неустройства и политических противоречий, раздиравших страну, действия китайских войск против японских оккупантов приобретали, однако, все более ограниченный характер. В 1942 г. последовало обострение отношений СССР с чунцинским правительством. Многие советские военные советники были отозваны из Китая, хотя некоторая часть военных специалистов продолжала работать в стране до середины 1944 г., несмотря на то что Советский Союз в это время вел тяжелейшую войну с германским агрессором.

После того как фашистская Германия вероломно напала на СССР, военные приготовления Японии в Китае к войне с Советским Союзом еще более активизировались. Реализуя программу срочных военных мероприятий по мобилизационному развертыванию Квантунской группировки войск и приведению ее в полную боевую готовность (план «Кантокуэн»), Япония довела численность Квантунской группировки до 700 тыс. человек. Кроме того, ее командованию подчинялись марионеточные войска Маньчжоу-Го и армия японского ставленника во Внутренней Монголии князя Дэвана (Тонлопа).

По мере приближения немецких войск к Москве в руководящем эшелоне Японии стали усиливаться тенденции к немедленному выступлению против СССР. В этой обстановке к концу 1941 г. Япония сосредоточила в Маньчжурии из состава своих вооруженных сил до 50% пехотных дивизий, 75–80% кавалерийских частей, около 60% танковых полков, половину артиллерийских частей и сухопутной авиации²⁰⁶.

Отсюда можно сделать вывод, что главным в то время японское командование считало готовящийся фронт войны с СССР, а не с Китаем. Таким образом, с одной стороны, даже не воюя, Советский Союз облегчал судьбу борющихся с японскими агрессорами сил Китая, спасал многие сотни и тысячи жизней китайцев, а с другой — ситуация в Китае уже в который раз позволяла Японии использовать территорию этой страны для подготовки нападения на СССР, в ходе которой была отмобилизована Квантунская группировка войск и быстрыми темпами оборудовался маньчжурский плацдарм. Лишь срыв Советским Союзом германского плана блицкрига и память об уроках Хасана и Халхин-Гола удерживали Японию от развертывания агрессии против СССР.

Пакт о нейтралитете с Японией

В 1930-е гг. советское руководство не могло не заботиться о дальневосточных рубежах СССР, по соседству с которыми развертывала экспансию милитаристская Япония, разжигая первые очаги будущего пожара мировой войны.

Показателями напряженности в отношениях между двумя странами были сотни провокаций на границах СССР, крупнейшей из которых стала провалившаяся вооруженная попытка японцев закрепиться на принадлежавших СССР господствующим высотам у приморского озера Хасан в июле — августе 1938 г., а также крупный советско-японский конфликт в районе реки Халхин-Гол, на спорном участке границы между Монгольской Народной Республикой и марионеточным прояпонским государством Маньчжоу-Го весной — летом 1939 г. Обе стороны стремились прощупать политическую волю и боеспособность потенциального противника, в случае же успеха военной агрессии у реки Халхин-Гол Япония планировала овладеть территорией МНР и обеспечить себе плацдарм, позволявший развернуть военные действия непосредственно против СССР, перерезать Транссиб и выйти к озеру Байкал.

В первые месяцы конфликта японские войска имели успех, однако к середине августа 1939 г. советское командование создало в районе конфликта существенный перевес над японцами по численности войск, количеству танков, артиллерийских орудий и самолетов. 20 августа советско-монгольские войска перешли в наступление, 23 августа окружили японскую 6-ю армию, а 28 августа завершили ее разгром. Японское руководство убедилось в преимуществе Красной армии. В сентябре 1939 г. бывший японский премьер-министр Ф. Коноэ признался германскому послу в Токио О. Отту: «Японии потребуется еще два года, чтобы достигнуть уровня техники, вооружения и механизации, которые показала Советская Армия в боях в районе реки Халхин-Гол»²⁰⁷. 15 сентября в Москве было подписано советско-японское соглашение о прекращении боевых действий в районе реки Халхин-Гол.

Японское военно-политическое руководство продолжало разрабатывать планы экспансии в двух направлениях: широкомасштабная акция против советского Дальнего Востока после наращивания мощи Квантунской группировки войск и завоевание британских, французских и голландских колоний в районе южных морей, а затем создание на этой основе обширной японской колониальной империи — «великой восточноазиатской сферы совместного процветания».

Начавшаяся 18 сентября 1931 г. захватом граничащей с Советским Союзом Маньчжурии японская экспансия в Азии, ввод на территорию этой китайской провинции крупной группировки сухопутных войск Японии, пересечение ими в декабре того же года КВЖД и продвижение их к советским границам²⁰⁸ создавали реальную угрозу безопасности СССР на Дальнем Востоке. Следует отметить, что для правительств США, Великобритании и Франции Япония представлялась ключевым союзником в борьбе с коммунистическим и национально-освободительным движениями, а также Советским Союзом.

Запад не только не осудил агрессию Японии на севере Китая, но и занял позицию «умиротворения» агрессора, а точнее, поощрения его подготовки к войне против СССР путем политико-дипломатических и территориальных уступок за счет других народов, что стало прообразом такой же политики в Европе, известной как «мюнхенский сговор».

В этих условиях советское руководство предприняло ряд политико-дипломатических шагов в целях сорвать планы организаторов агрессии против Советского Союза. Осудив захват Японией Маньчжурии, руководство СССР, не имея реальных рычагов воздействия на агрессора, сочло необходимым заявить о позиции строгого нейтралитета, не преминув привести в октябре войска созданной в августе 1929 г. Особой Дальневосточной армии в конечных пунктах КВЖД на границе с Китаем в состояние боевой готовности и приступить к оказанию помощи китайским вооруженным формированиям оружием и боеприпасами²⁰⁹.

Япония на несколько лет стала главной военной угрозой безопасности СССР, что потребовало от советской дипломатии выработки и осуществления конкретных мер противодействия этой угрозе.

В конце декабря 1931 г. министром иностранных дел Японии был назначен посол во Франции К. Ёсидзава — сторонник развития добрососедских отношений с Советским Союзом. Советская дипломатия решила воспользоваться проездом К. Ёсидзавы через Москву для того, чтобы поставить перед японским правительством вопрос об укреплении советско-японских отношений. Во время встречи с ним 31 декабря нарком иностранных дел М. М. Литвинов в очередной раз предложил заключить между СССР и Японией пакт о ненападении²¹⁰. Он отметил, что СССР уже имеет пакты о ненападении или нейтралитете с Германией, Литвой, Турцией, Персией, Афганистаном, ведет соответствующие переговоры с Финляндией, Эстонией, Латвией и Румынией, а также подчеркнул, что «сохранение мирных и дружественных отношений со всеми нашими соседями, в том числе и с Японией, является основой нашей внешней политики»²¹¹. К. Ёсидзава обещал обсудить этот вопрос в Токио.

В Японии не было сомнений в искренности стремления Советского Союза заключить пакт о ненападении с Японией. В секретном меморандуме, составленном заведующим европейско-американским департаментом МИДа Японии С. Того (впоследствии посол в СССР и министр иностранных дел Японии), говорилось: «Желание Советского Союза заключить с Японией пакт о ненападении вызвано его стремлением обеспечить безопасность своих дальневосточных территорий от все возрастающей угрозы, которую он испытывает со времени японского продвижения в Маньчжурии»²¹². Однако как раз это и не устраивало японское руководство, которое затянуло ответ на советское предложение (в течение 1932 г. Москва неоднократно его повторяла) на целый год и, в конце концов, в декабре 1932 г. официально заявило об отказе принять его²¹³.

Несмотря на отрицательную реакцию японского правительства, настойчивость советской дипломатии вполне себя оправдала. Предложение советского Наркомата иностранных дел почти два года стояло в центре внимания японской общественности, которая не могла не признать миролюбивый характер внешней политики СССР²¹⁴. К. Утида, сменивший летом 1932 г. К. Ёсидзаву на посту министра иностранных дел Японии, даже счел необходимым заявить советскому полпреду А. А. Трояновскому 28 июля 1932 г., что его «правительство никаких агрессивных намерений против СССР не имеет»²¹⁵. Активные шаги советской дипломатии затрудняли японской военщине обеспечение поддержки со стороны общественного мнения в подготовке к агрессии против СССР, которая, однако, наращивалась с каждым годом в соответствии с постоянно обновляемыми планами войны.

Советские предложения о заключении с Японией пакта о ненападении в последующем выдвигались неоднократно, в том числе 24 апреля 1933 г. в ответ на японский демарш по поводу восстановления Москвой в декабре 1932 г. дипломатических отношений с Китаем²¹⁶. Однако эйфория по поводу успехов в оккупации и, по сути, колонизации Маньчжурии, где спешно создавалась инфраструктура расширения экспансии на соседние провинции Китая и военно-промышленная база агрессии против СССР и Монголии (в январе 1935 г. японо-маньчжурские войска вступили в китайскую провинцию Чахар, непосредственно

граничащую с МНР)²¹⁷, мешала японскому политическому и военному руководству проявить политический реализм. Оно решило, что договор о ненападении с Советским Союзом будет лишь мешать Японии в нужный момент напасть на него.

Руководство СССР отдавало себе отчет (особенно после заключения 25 ноября 1936 г. между Германией и Японией Антикоминтерновского пакта, к которому в 1937 г. присоединились Италия и другие страны, а в феврале 1939 г. — марионеточное прояпонское образование Маньчжоу-Го) в нарастании военной угрозы на восточных и западных границах страны²¹⁸.

Активно формировался у границ СССР региональный антикоммунистический блок — ось «Япония — Маньчжоу-Го — Китай», который замышлялся как «ядро общевосточной коалиции» под эгидой Японии, направленной против Советского Союза, национально-освободительного и революционного движения в странах Азии²¹⁹. Именно эта цель и являлась основной причиной нападения Японии в июле 1937 г. на Китай, где в оккупированных районах было создано несколько прояпонских временных правительств, включая и правительство нового Китая в Нанкине во главе с Ван Цзинвеем, изменившим лидеру Гоминьдана Чан Кайши²²⁰.

Большое внимание в Токио уделялось Внутренней Монголии, в которой намечалось «укрепить позиции Японии против Советского Союза»²²¹. В 26-страничном аналитическом обзоре «Агрессивная политика Японии на Дальнем Востоке» О. Ямады, бывшего главнокомандующего японской Квантунской группировкой войск, подготовленном им 8–9 апреля 1946 г., отмечалось, что в 1939 г. все марионеточные режимы, создававшиеся по мере продвижения японских войск во Внутреннюю Монголию, были «слиты в одно целое автономным правительством Монгольского Союза, возглавляемым князем Томсук Тонлопом (Дэван)... Это означало, что Внутренняя Монголия рассматривалась Японией как совершенно самостоятельная единица, независимая от нового Китая; таким образом, была создана антикоммунистическая зона Северо-Западного Китая»²²².

Остро чувствовали усиление антисоветских настроений в Японии советские дипломаты. В докладной записке полпреда СССР в Японии М. М. Славуцкого заместителю наркома иностранных дел Б. С. Стомонякову от 5 марта 1938 г. сообщалось: «Главное место японская военщина отводит нам. В своих запросах депутаты (японские. — *Прим. ред.*)... говорят о неудовлетворенности японо-советскими отношениями; при этом некоторые прямо высказывают беспокойство, заявляя, что отношения с нами беспокоят деловые круги, но военщина запугивает их и ведет злобную кампанию против нас, организуя в парламенте агрессивного характера запросы, которые, как Ивакура (является директором дока Кавасаки, что само собой говорит о его связи с военщиной) 22 февраля, касаясь наших отношений (давление на концессии, рыболовный вопрос), заявляют о «необходимости не только дипломатических мер, но и применения силы». Были и такого рода выступления, что противоречия между СССР и Японией неизбежны и что поэтому «необходимо усиление военной подготовки против СССР». Араки (генерал, в прошлом военный министр. — *Прим. ред.*), прикрываясь демагогическими вывертами, выступил с очередной статьей о возможности японо-советской войны. Военный министр Сугияма во всех своих выступлениях в парламенте доказывал необходимость увеличения вооружений, мотивируя их увеличением «вооружения СССР и других стран». В своей защите законопроекта о мобилизации всей страны военный министр, как и остальные члены правительства, говорит о надвигающемся «национальном кризисе» и в первую очередь подчеркивает нас. Именно стремлением подготовиться к большой войне, с одной стороны, и стремлением к полной фашизации Японии, с другой, объясняется это упорное подчеркивание «национального кризиса», опасности войны с нами. Этим объясняется и организовано ведущаяся злобная кампания против нас»²²³.

В связи с этим советское правительство было вынуждено занять жесткую позицию. В письме М. М. Славуцкому руководство НКВД отмечало: «Мы желали бы избежать дальнейшего обострения наших отношений с Японией и, исходя из этого, занимаем умеренную позицию в отношении ряда конфликтов. Однако провокационное поведение японских властей и позиция японского МИДа, к тому же еще подстегиваемого глубоко враждебным нам

Сигэмицу (посол Японии в СССР. — *Прим. ред.*), планомерно стремящихся к обострению наших отношений, вынуждают нас давать японцам отпор по ряду вопросов»²²⁴.

После развертывания Японией войны в Китае Советский Союз единственный выступил в Лиге Наций за решительные санкции против агрессора. Не получив поддержки со стороны европейских правительств, СССР принял односторонние меры. 21 августа 1937 г. был заключен советско-китайский договор о ненападении, и СССР немедленно начал оказывать Китаю материальную помощь²²⁵. Кроме того, что советская позиция ясно демонстрировала нежелание СССР мириться с усилением агрессивных тенденций в политике Японии, его помощь Китаю была еще и существенным фактором, направленным на срыв японского плана блицкрига в этой стране и последующего развертывания агрессии против СССР.

Реакция Советского Союза на вторжение Японии в Китай вызвала противодействие японских руководителей. Опираясь на поддержку своих партнеров по Антикоминтерновскому пакту, в июле — августе 1938 г. Япония предприняла попытку открытого нападения на территорию Советского Союза в районе озера Хасан, а в мае — сентябре 1939 г. — у монгольской реки Халхин-Гол. Развернувшиеся здесь события имели внутреннюю связь с событиями в Западной Европе, где в это время фашистская Германия также перешла к прямым актам вооруженной агрессии. Именно в 1938 г. гитлеровцы захватили Австрию и Судетскую область Чехословакии, а в марте 1939 г. — расчленили и ликвидировали независимую Чехословакию. Еще когда конфликт на Халхин-Голе не был разрешен, нацистская Германия 1 сентября 1939 г. напала на Польшу. Очаги войны, вспыхивавшие то в одном, то в другом месте планеты, вскоре переросли в пожар мировой войны.

Открытому вторжению на территорию СССР предшествовали нарушения границ, которых только в период 1936—1938 гг. было отмечено 231, в том числе 35 случаев крупных боевых действий. 8 июля 1938 г. заместитель народного комиссара иностранных дел СССР Б. С. Стомоняков принял японского посла М. Сигэмицу и обратил его внимание на опасные действия японо-маньчжурской стороны, связанные с применением химического оружия²²⁶.

Лишь решительный вооруженный отпор агрессивным акциям Японии в Приморье и в Монголии, у озера Хасан и на реке Халхин-Гол, осуществленный Вооруженными силами Советского Союза и подкрепленный дипломатическими шагами Москвы, смог отрезвить японское политическое руководство и вынудить его изменить тактику выстраивания отношений с СССР при сохранении стратегического курса на подготовку к войне с ним.

Курс советского руководства на сближение с Германией способствовал смягчению противоречий между Москвой и Токио. Еще во время визита в Москву в августе 1939 г. И. фон Риббентроп в беседе с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым выразил готовность внести вклад в улаживание разногласий между СССР и Японией. Германское руководство подталкивало японского союзника к нормализации отношений с СССР и более активным выступлениям против Великобритании²²⁷.

Ситуация изменилась летом 1940 г. с поражением Франции, Голландии и резким ослаблением международного влияния Великобритании. В правящих кругах Японии расценили сложившуюся обстановку как благоприятный шанс для развертывания японской экспансии в Юго-Восточной Азии. В июне советник полпреда СССР в Японии Я. А. Малик сообщал в НКВД: «Создается впечатление, что немцы не только дали согласие японцам не мешать им в осуществлении южной экспансии, но и определенно толкают Японию на этот шаг. Ибо за последнее время японская пресса открыто и нагло требует экспансии на юг, захвата Индокитая и Голландской Восточной Индии»²²⁸.

При этом требовалась стабилизация отношений с СССР. Именно в июне 1940 г. было достигнуто двустороннее соглашение об уточнении границы в районе реки Халхин-Гол, в основном в соответствии с советскими пожеланиями.

2 июля посол Японии в Москве С. Того в беседе с В. М. Молотовым выдвинул предложение заключить соглашение о нейтралитете. Оно предусматривало поддержание мирных и дружественных отношений между обеими странами, уважение территориальной целостности друг друга. Ключевая статья предложенного японской стороной текста гласила: «Если одна

Ф. Коноэ

Ё. Мацуока

их договаривающихся сторон, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению третьей державы или нескольких других держав, то другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта»²²⁹. Вместе с тем японское предложение содержало неприемлемое для СССР условие положить в основу пакта советско-японский договор 1925 г., базировавшийся на Портсмутском договоре 1905 г. Японское предложение было направлено на то, чтобы уменьшить советскую помощь Китаю и обеспечить благоприятные условия для развертывания японской экспансии в Юго-Восточной Азии.

Японское правительство во главе с Ф. Коноэ, пришедшее к власти в июле 1940 г., одобрило программу внешнеполитических мероприятий, в которой в качестве важнейшей задачи определялось «установление нового порядка в Великой Восточной Азии» с применением в удобный момент военной силы. Программой предусматривалось: завершение войны в Китае, обеспечение за Японией района южных морей и создание «великой азиатской сферы совместного процветания». В программе выдвигались задачи: укрепление союза Японии с Германией и Италией; стабилизация японо-советских отношений заключением соглашения о ненападении с целью спокойной подготовки вооруженных сил к войне; осуществление активных мер по включению колоний Англии, Франции, Голландии и Португалии в сферу японского «нового порядка» в Восточной Азии²³⁰.

Заключение Тройственного пакта усилило международные позиции Японии в Азии. Вместе с тем зондаж возможности СССР присоединиться к Тройственному пакту, предпринятый во время визита В. М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г., открывал возможности для улучшения советско-японских отношений.

30 октября 1940 г. новый японский посол в Москве заявил, что его правительство прекращает с СССР переговоры о заключении соглашения о нейтралитете и выдвигает предложение о заключении пакта о ненападении, аналогичного советско-германскому²³¹. Тем самым японская сторона предлагала заключить более обязывающий и далеко идущий договор.

Подписание пакта о нейтралитете между СССР и Японией. 13 апреля 1941 г.

Однако советское руководство не было готово пойти на договоренности с Японией, которые могли бы заметно ухудшить отношения СССР с США и Китаем. Официально Москва увязывала заключение договора о ненападении с Японией с возвращением Советскому Союзу Южного Сахалина и передачей ему Курильских островов, утраченных ранее Россией²³². Подобные условия были неприемлемы для Токио. Япония настаивала на заключении договора о нейтралитете, который сопровождался бы продажей Северного Сахалина Японии. Нарком В. М. Молотов ответил японскому послу, что о продаже Северного Сахалина не может быть и речи. Подобное предложение можно расценивать «только как шутку»²³³. Советское руководство держалось твердо и вместе с тем конструктивно, упорно добиваясь заключения с Японией именно пакта о нейтралитете. Японская сторона была не менее Советского Союза заинтересована в подобном соглашении.

12 марта 1941 г. министр иностранных дел Японии Ё. Мацуока выехал в Европу. Одной из целей поездки было урегулирование отношений между Японией и СССР. 24 марта, будучи в Москве, он в беседе с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым выразил пожелание улучшить отношения Японии с Советским Союзом²³⁴. Советские руководители приветствовали подобные намерения. И. В. Сталин сказал, что считает улучшение отношений между двумя странами «не только необходимым, но и вполне возможным»²³⁵.

После этого Ё. Мацуока отбыл в Берлин и Рим. Перед визитом японского министра А. Гитлер издал специальную директиву, в соответствии с которой целью германской политики было как можно скорее вовлечь Японию в войну против Великобритании. Во время бесед в Берлине А. Гитлер убеждал Ё. Мацуоку, что Япония получила чрезвычайно выгодный шанс

для нападения на Сингапур: «Никогда не представятся более благоприятные возможности. Такой момент никогда не повторится. Это уникальная в истории ситуация»²³⁶. Директива запрещала сообщать японцам какую-либо информацию о «плане Барбаросса» — фюрер не доверял своему союзнику и слишком переоценивал свои силы.

Таким образом, германские руководители подталкивали Японию к активному участию в борьбе против Британской империи и ничего не сообщили представителям Токио о подготовке к нападению на Советский Союз. Не знал об этом и Б. Муссолини, с которым также встречался японский министр. Переговоры японского министра иностранных дел в Берлине оказали большое влияние на позицию японского руководства в отношении Советского Союза.

Вернувшись в Москву, на обратном пути в Токио, Ё. Мацуока 7 апреля 1941 г. в беседе с В. М. Молотовым вновь попытался предложить подписание двустороннего пакта о ненападении при одновременной продаже Северного Сахалина Японии. Нарком отметил, что было бы более правильно говорить о покупке Советским Союзом у Японии Южного Сахалина и части северных Курильских островов. На следующей встрече с В. М. Молотовым 9 апреля Ё. Мацуока, согласившись на заключение пакта о нейтралитете, продолжал возражать против ликвидации японских концессий на Северном Сахалине²³⁷.

12 апреля состоялась беседа японского министра иностранных дел Ё. Мацуоки с И. В. Сталиным с участием В. М. Молотова. Японский министр заявил, что хотел бы улучшения отношений между Японией и СССР и для этой цели готов «заключить пакт о нейтралитете, но без всяких условий, в порядке дипломатического блицкрига... Коренное разрешение отношений между Японией и СССР нужно разрешить под углом зрения больших проблем, имея в виду Азию, весь мир, не ограничиваясь и не увлекаясь мелочами». Он также подчеркнул, что у него «с молодых лет сложилось такое убеждение, что судьбу Азии решают две силы — Япония и СССР.. Для того чтобы освободить Азию, нужно избавиться от англосаксов, а потому перед такой задачей нужно отказаться от мелких вопросов и сотрудничать в больших вопросах». Ё. Мацуока подталкивал советских руководителей к экспансии в направлении южных морей, к тому, чтобы «стремиться выйти через Индию к теплым водам Индийского океана»²³⁸.

И. В. Сталин в ходе беседы отметил: «СССР считает принципиально допустимым сотрудничество с Японией, Германией и Италией по большим вопросам». Он поддержал мнение японского министра, «что если пакт о нейтралитете будет заключен, то это будет действительно поворотом от вражды к дружбе»²³⁹. Тем самым советский лидер ясно давал понять, что он готов к сотрудничеству с Японией в Азии, но на советских условиях.

Со своей стороны, Токио был заинтересован в благожелательной позиции СССР при развертывании японской экспансии в южном направлении и нарастании противоборства с Британской империей. Именно к такому варианту развития событий японских руководителей подталкивал Берлин. В результате Ё. Мацуока согласился решить вопрос о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине путем обмена письмами между министрами иностранных дел Японии и СССР²⁴⁰.

13 апреля 1941 г. в Кремле был подписан пакт о нейтралитете между СССР и Японией. Договор был заключен сроком на пять лет и предусматривал, что обе стороны обязуются поддерживать между собой мирные и дружественные отношения, взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой договаривающейся стороны. В тексте соглашения говорилось, что если одна из сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, то другая сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта. Одновременно была подписана совместная декларация о взаимном уважении территориальной целостности и неприкосновенности границ Монгольской Народной Республики и прояпонского государственного образования Маньчжоу-Го²⁴¹.

Посредством секретного обмена письмами между Ё. Мацуокой и В. М. Молотовым была оформлена договоренность о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине в течение нескольких месяцев после подписания пакта о нейтралитете (впоследствии,

после начала советско-германской войны, об этом японском обязательстве предпочитали не вспоминать).

На следующий день И. В. Сталин, вопреки советской практике и принятому протоколу, лично приехал на вокзал проводить Ё. Мацуоку. На перроне он на глазах у всех собравшихся подошел к германскому послу Ф. фон Шуленбургу и попросил его приложить максимум усилий, чтобы Германия и Советский Союз и дальше оставались друзьями. Этот публичный акт должен был подчеркнуть стремление Кремля развивать хорошие отношения с Германией и Японией.

Заключение пакта о нейтралитете с Японией стало несомненным успехом советской внешней политики. Оно снижало напряженность в советско-японских отношениях и служило сдерживающим фактором в наращивании японской военной мощи у советских границ. В то же время Токио обеспечил себе благоприятные условия для развития экспансии в направлении южных морей. Российские исследователи отмечают: «Обе договаривающиеся стороны при этом преследовали свои цели. СССР стремился с помощью этого пакта уменьшить угрозу войны на два фронта: против Германии — на западе и Японии — на востоке. Япония же стремилась застраховаться от конфликта с СССР, когда она вступит в войну против Англии и США»²⁴².

Накануне нападения Германии на Советский Союз

Вся германская военная машина готовилась к началу войны против СССР. Одновременно Берлин развернул массированную кампанию дезинформации: германские войска якобы намеревались осуществить высадку на Британские острова. Великобритания оставалась единственным противником Третьего рейха, и в Лондоне не скрывали своих надежд на столкновение Германии с СССР.

В Берлине уточнялись отдельные аспекты «плана Барбаросса», вырабатывались общие политические директивы для командования вооруженными силами. 30 марта 1941 г. А. Гитлер собрал в рейхсканцелярии около 250 генералов и высших офицеров, которые должны были участвовать в ведении войны против СССР. Он заявил: «Предстоящую войну с Советским Союзом нельзя вести по обычным военным законам. Это будет война на уничтожение, борьба двух мировоззрений»²⁴³. Планировалось ликвидировать советский государственный и политический аппарат, территорию СССР колонизовать, а население превратить в послушную рабочую силу. Гитлеровское руководство ориентировало германские органы на проведение политики геноцида и расширения жизненного пространства рейха.

14 июня 1941 г. фюрер собрал еще одно большое совещание своих военачальников и вновь обосновал решение начать войну против Советского Союза в качестве важного шага для создания нацистской империи на Востоке. По свидетельству одного из участников совещания, «у собравшихся господствовало уверенное настроение». Вся военная подготовка агрессии исходила из предпосылки, что основные силы Красной армии будут уничтожены в течение шести — восьми недель в масштабных сражениях на окружение. Не позднее наступления зимы войска агрессоров должны были выйти на линию Архангельск — Волга — Астрахань²⁴⁴. С точки зрения международной политики реализация «плана Барбаросса» призвана была лишить Великобританию последнего потенциального союзника в Европе и расчистить гитлеровскому руководству путь к полному господству на континенте.

И. В. Сталин получал многочисленные предупреждения о подготовке фашистской Германии к нападению на СССР, но необходимо также учитывать и массированную кампанию по дезинформации, развернутую нацистскими спецслужбами. В Советском Союзе не исключали возможности изменения военно-политической ситуации в Европе в результате активизации действий Германии против Англии. Вместе с тем предпринимались и неко-

торые меры, которые могли служить инструментом давления на германское руководство, чтобы побудить его к новым переговорам. Неслучайно 6 мая 1941 г. И. В. Сталин занял пост председателя Совнаркома (главы правительства) СССР, а В. М. Молотов стал его заместителем и сохранил пост наркома иностранных дел. Комментируя назначение И. В. Сталина главой советского правительства, германский посол Ф. фон Шуленбург сообщал в Берлин: «Я убежден, что Сталин использует свое новое положение для того, чтобы принять личное участие в деле сохранения и развития хороших отношений между СССР и Германией»²⁴⁵.

В своей речи 5 мая 1941 г. перед выпускниками военных академий²⁴⁶ И. В. Сталин проводил мысль, что война на два фронта для Германии гибельна, никакой разумный политик на это не решится. Германское нападение на Советский Союз в 1941 г. он считал политически и стратегически неоправданным и поэтому маловероятным. Всю информацию, противоречащую его оценкам ситуации, он либо отвергал, либо ставил под сомнение.

Однако А. Гитлер расценивал обстановку лета 1941 г. иначе. Он считал, что западный фронт после падения Франции больше не существует, а Англия не является для Германии реальной угрозой на Европейском континенте. По мнению фюрера, основной надеждой британцев являлся как раз Советский Союз. И. В. Сталин недооценил авантюризм А. Гитлера, его ставку на блицкриг — быструю победоносную военную кампанию. С другой стороны, советский лидер опасался, что англичане достигнут соглашения с нацистским руководством на антисоветской основе. Эти его опасения усилились в связи с полетом 10 мая 1941 г. в Англию заместителя А. Гитлера по нацистской партии Р. Гесса. Он надеялся договориться с прогермански настроенными деятелями Великобритании о заключении мира на условиях Берлина, однако британские руководители не могли принять господство Германии в Европе, и миссия Р. Гесса не привела к желаемому результату²⁴⁷.

Советское руководство прилагало максимум усилий, чтобы не раздражать А. Гитлера. В январе 1941 г. оно приняло германские предложения относительно окончательного урегулирования линии границы между двумя странами (до Балтийского моря) в связи с включением Литвы в состав СССР. Тогда же было подписано новое соглашение СССР и Германии о взаимных товарных поставках²⁴⁸. Советский Союз тщательно выполнял свои экономические обязательства в отношении Германии. В начале мая были предприняты новые шаги для сохранения отношений партнерства с Германией. В Москве были закрыты посольства Бельгии, Норвегии, Греции, Югославии, а их дипломатические представители вынуждены были покинуть Советский Союз.

Советский Союз, Великобритания и США предпринимали меры по улучшению своих отношений. Еще в апреле 1940 г. начались регулярные встречи, а по сути, переговоры между СССР и США, которые длились девять месяцев. В основном шло обсуждение экономических вопросов. На одной из встреч заместитель госсекретаря США С. Уэллес сообщил полпреду К. А. Уманскому имеющуюся у них информацию о готовившемся вторжении фашистской Германии в Советский Союз. В доверительном порядке он сказал: «По конфиденциальным сведениям, имеющимся в распоряжении американского правительства, германские военные планы заключаются в том, чтобы после достижения победы над Англией, несмотря на поддержку последней Соединенными Штатами, напасть на СССР. Американское правительство учитывает, что советское правительство, возможно, отнесется к этой информации с недоверием и будет рассматривать ее как пропаганду, интригу или неправду. Однако американское правительство подчеркивает, что располагает не подлежащими сомнению доказательствами правдивости этой информации, которую оно передает советскому правительству лишь потому, что считает, что те страны, которые отстаивают свою целостность и независимость перед лицом германских планов неограниченной агрессии, имеют моральное право на получение подобной информации и дружественное предупреждение»²⁴⁹.

Не дождавшись реакции из Москвы, правительство США поручило своему послу в Москве Л. Штейнгардту довести эту информацию непосредственно до сведения советского правительства. 15 апреля 1941 г. посол сообщил заместителю наркома С. А. Лозовскому, что, по полученным посольством из Берлина достоверным сведениям, Германия готовит напа-

дение на Украину и сконцентрировала против Молдавии восемь дивизий. Л. Штейнгардт просил довести эту информацию до В. М. Молотова. Однако С. А. Лозовский заметил, что он не думает, чтобы Германия напала на СССР, Советский Союз всегда готов и не даст захватить себя врасплох²⁵⁰.

Сложные отношения у СССР были с Великобританией. Прилет в Англию Р. Гесса получил громкий международный резонанс и не мог не рассматриваться советским руководством как угроза англо-германского сговора перед нападением Германии на СССР, возникновения англо-германской коалиции в войне против нашей страны. Советская разведка с 1937 г. сообщала об англо-германском сближении, переговорах, которые велись в Лондоне и Берлине. Полученное в Москве после прилета Р. Гесса официальное уведомление английского правительства о решении продолжать войну с Германией не могло заслонить возникшую тревогу. Начиная с 14 мая поступали сведения о встречах Р. Гесса, позволявшие сделать вывод, что это была реализация замысла нацистского руководства заключить мир с Англией накануне нападения на Советский Союз, подставив его в одиночестве под удар агрессоров. Неслучайно англичане надолго засекретили архивные материалы, связанные с перелетом Р. Гесса²⁵¹.

После публикации 14 июня 1941 г. заявления ТАСС, которое было адресовано не только Берлину, но и Лондону, и Вашингтону²⁵², А. Иден сообщил И. М. Майскому о готовности Великобритании оказать СССР помощь своей авиацией на Ближнем Востоке, направить военную миссию в Москву в случае нападения Германии и немедленно сделать об этом сообщение правительства²⁵³. А через два дня, 15 июня, У. Черчилль известил Ф. Рузвельта о готовности Великобритании оказать России всемерную помощь в случае нападения Германии и получил его поддержку. Однако эта информация не была доведена до советского руководства²⁵⁴.

Таким образом, внешнеполитическая деятельность Советского Союза, направленная на то, чтобы уберечь страну от войны с фашистской Германией, не оправдалась. Однако было выиграно трудное сражение за союзников, хотя и дорогой ценой. Буквально накануне нападения Германии и ее сателлитов на Советский Союз между СССР, Великобританией и США была достигнута договоренность о совместной борьбе против фашистской агрессии. С началом Великой Отечественной войны в истории внешней политики и дипломатии наступил совершенно новый этап.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–12 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 12–15.

² Документы внешней политики СССР. Т. XXI. М., 1977. С. 576.

³ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–12 марта 1939 г. Стенографический отчет. С. 12–15.

⁴ Интересную характеристику английским «умиротворителям» дал президент Ф. Рузвельт на частном обеде с полпредом К. А. Уманским 30 января 1939 г.: «Должен сообщить Вам по секрету и прошу не разглашать вне семейного круга: правительство Англии заболело тяжелым психическим заболеванием, среди них повальная эпидемия политического самоубийства. Кто этого не знает, тот ничего в английской политике не понимает» (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 15. Л. 35).

⁵ Системная история международных отношений. 1918–2000 гг. В 4-х т. М., 2000–2004. Т. 2. Документы 1910–1940 гг. М., 2000. С. 165.

⁶ Официально назначение В. М. Молотова было оформлено указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 мая 1939 г. (см.: Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 1. М., 1992. С. 327).

⁷ Указанные лица прибыли в здание НКВД утром 4 мая и участвовали в своеобразном представлении руководящего состава наркомата В. М. Молотову. Процедура происходила в форме индивидуальных бесед, а точнее — ответов на вопросы прибывших. При этом присутствовал и М. М. Литвинов. Подробнее см.: *Рошин А. А.* НКВД в 30-е годы // Дипломатический ежегодник. М., 1995.

⁸ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 313. Д. 2154. Л. 45.

⁹ Российская дипломатия в свете мирового и исторического опыта. Ученые записки МГИМО МИД России. М., 1996. С. 62–63.

¹⁰ Как писал в своей статье о Вышинском его бывший помощник — известный дипломат, а впоследствии профессор МГИМО И. Г. Усачев: «[Вышинский] не зарекомендовал себя как большой специалист по переговорам, где требуется вдумчивость, умение анализировать, разгадывать ходы противника, видеть пределы возможных уступок с его стороны и чувствовать, где нельзя переходить рубеж» (*Усачев И. Г.* Последняя роль (воспоминания дипломата) // Инквизитор: сталинский прокурор Вышинский. М., 1992. С. 381). Еще более определенно о Вышинском высказывался А. А. Громыко: «Дипломатии он никогда не учился и фактически к ней не приобщился... Я должен со всей ответственностью заявить, что фигура Вышинского зловещая» (*Громыко А. А.* Памятное. В 2-х т. М., 1990. Т. 2. С. 511).

¹¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 2. Д. 2. Л. 4–7.

¹² Дипломатический ежегодник. М., 1990. С. 499–500.

¹³ Институт (сначала курсы) был учрежден в 1934 г., а в 1936 г. состоялся его первый выпуск. Из 30 выпускников только 16 были направлены на работу в НКВД (Дипломатический ежегодник. М., 1994. С. 195).

¹⁴ *Селянинов О. П.* Тетради по истории дипломатической службы государств. М., 1992. С. 131–132.

¹⁵ Там же. С. 130.

¹⁶ Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. М., 1998. С. 631.

¹⁷ В 1940 г. М. М. Литвинов был выведен из состава ЦК ВКП(б).

¹⁸ История дипломатии. М., 1945. В 3-х т. Т. 3. С. 675.

¹⁹ Там же. С. 677.

²⁰ Интересно, что первой страной, признавшей «европейское приобретение» Италии — Албанию, стала Литва. Так, в письме от 1 августа 1939 г. поверенный в делах СССР в Италии Л. Б. Гельфанд сообщал: «Новый литовский посланник в Риме Лозорайтис вручил на днях здесь верительные грамоты, в тексте которых указан титул не только императора Абиссинии, но и короля Албании. Литва, таким образом, оказалась первой европейской страной, фактически признавшей захват Албании». В постскрипуме Л. Б. Гельфанд добавляет: «Перед уходом диппочты аналогичные верительные грамоты вручил и новый норвежский посланник» (Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 1. С. 566).

²¹ Год кризиса: 1938–1939 гг. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1990. Т. 2. С. 90.

²² Documents of British Foreign Policy. Ser. 3. Vol. 6. London, 1953. P. 763–764.

²³ Foreign Relation of the United States. 1939. Vol. 1. Washington, 1956. P. 294.

²⁴ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М., 2012. С. 244.

²⁵ Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 1. С. 584.

²⁶ См.: Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 3. М., 2005. С. 54–57; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М., 2012. С. 242–245.

²⁷ Год кризиса: 1938–1939 гг. Документы и материалы. Т. 2. С. 119.

²⁸ *Ситолс В.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939–1941 гг. М., 1997. С. 71.

²⁹ См.: СССР — Германия. 1939–1941 гг. Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2009. С. 194–197.

³⁰ См.: Год кризиса: 1938–1939 гг. Документы и материалы. Т. 2. С. 184–185.

³¹ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. С. 245–246.

³² *Робертс Дж.* Иосиф Сталин. От Второй мировой до холодной войны / Пер. с англ. М., 2014. С. 61.

³³ См.: Документы внешней политики. 1939 г. Кн. 1. М., 1992. С. 606–607; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. С. 246.

³⁴ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. С. 246.

³⁵ Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009. С. 45.

³⁶ См.: *Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е.* История международных отношений. 1918–1939 гг. М., 2006. С. 287.

³⁷ Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 2. М., 1992. С. 462.

³⁸ Там же. Т. XXII. Кн. 1. С. 632.

³⁹ Известно, что права России на владение территорией Литвы, Латвии и Эстонии были закреплены Ништадтским мирным договором 1721 г. Этот договор, входящий в корпус международно-правовых актов, из которых многие почти трехсотлетней давности, — основа легитимности территорий современных государств мира. Россия навечно получила эти территории не просто как победитель в Северной войне, но в результате их покупки — уплаты Российским царским двором Шведскому королевству «двух миллионов ефимков... с надлежащими полномочными и расписками снабденным уполномоченным» (См.: Под стягом России. Сборник архивных документов. М., 1992. С. 122; *Нарочницкая Н. А.* Великие войны XX столетия. Ревизия и правда истории. М., 2010. С. 136).

⁴⁰ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. С. 248.

⁴¹ Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 1. С. 647.

⁴² Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. До 22 июня 1941 г. М., 1994. С. 69–70.

⁴³ Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 1. С. 626.

⁴⁴ *Нарочницкая Н. А.* Указ. соч. С. 116.

⁴⁵ Очерки истории Российской внешней разведки. В 6-ти т. Т. 3. 1933–1944 гг. М., 1997. С. 289–290.

⁴⁶ Год кризиса: 1938–1939 гг. Документы и материалы. Т. 2. С. 323.

⁴⁷ *Лиддел Гарт Б.* Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1976. С. 26.

⁴⁸ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. С. 251.

- ⁴⁹ Там же. С. 252.
- ⁵⁰ Робертс Дж. Указ. соч. С. 67.
- ⁵¹ Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010. С. 230.
- ⁵² Правда. 18 октября 1939 г.
- ⁵³ Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 2. С. 146.
- ⁵⁴ Печатнов В. О., Манькин А. С. История внешней политики США. М., 2012. С. 237–238.
- ⁵⁵ Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 2. С. 96.
- ⁵⁶ Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. С. 221.
- ⁵⁷ Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 2. С. 134.
- ⁵⁸ Там же. С. 135–136.
- ⁵⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 12. Д. 126. Л. 60.
- ⁶⁰ См.: Нарочницкая Н. Указ. соч. С. 139.
- ⁶¹ Об этом свидетельствуют документы Архива германской внешней политики, опубликованные в Военно-историческом журнале (См.: Горлов С. СССР и территориальные проблемы Литвы / Военно-исторический журнал. 1990. № 7).
- ⁶² Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 2. С. 138–140, 161–163, 173–175.
- ⁶³ Там же. С. 191.
- ⁶⁴ Димитров Г. Дневник (9 марта 1933 — 6 февраля 1949 г.). София, 1997. С. 184–185.
- ⁶⁵ Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 — август 1940 г. М., 1990. С. 52.
- ⁶⁶ СССР и Литва в годы Второй мировой войны В 2-х т. Т. 1. СССР и Литовская Республика. Март 1939 — август 1940 г. Сб. документов. Вильнюс, 2006. С. 364.
- ⁶⁷ Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 2. С. 136–137.
- ⁶⁸ СССР — Германия. 1939–1941 гг. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. В 2-х т. Т. 2. Вильнюс, 1989. С. 28.
- ⁶⁹ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 7. Экономика и оружие войны. М., 2013. С. 48–51.
- ⁷⁰ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. С. 334.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же. С. 335.
- ⁷³ Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 2. С. 344.
- ⁷⁴ Кекконен У. Финляндия и Советский Союз / Пер. с фин. М., 1975. С. 233.
- ⁷⁵ Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 2. С. 355–358.
- ⁷⁶ Raasikivi J. K. Toimintani Moskovassa jaSuomessa 1939–41. I. Njrkvisota. Porvoo-Hels., 1958. S. 124.
- ⁷⁷ Известия. 16 декабря 1939 г.
- ⁷⁸ Зимняя война 1939–1940 гг. Кн. 2. И. В. Сталин и финская кампания. Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б). М., 1998. С. 276.
- ⁷⁹ Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 2. С. 387.
- ⁸⁰ De Réau E. Edouard Daladier 1884–1970. Paris: Fayard, 1993. P. 403–405.
- ⁸¹ Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 1. М., 1995. С. 140–143.
- ⁸² Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1989. С. 444.
- ⁸³ Цит. по: История международных отношений. В 3-х т. Т. 2. Межвоенный период и Вторая мировая война. М., 2012. С. 375–376.
- ⁸⁴ De Réau E. Edouard Daladier 1884–1970. P. 389.
- ⁸⁵ Черчилль У. Вторая мировая война / Пер. с англ. В 3-х кн. Кн. 1. Т. 1–2. М., 1991. С. 261.
- ⁸⁶ Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 113.
- ⁸⁷ Смирнов В. П. Краткая история Второй мировой войны. М., 2005. С. 85.
- ⁸⁸ Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 1. С. 344.
- ⁸⁹ Черчилль У. Указ. соч. С. 396–397.
- ⁹⁰ История Франции. Т. 3. М., 1973. С. 227–228.

- ⁹¹ *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1975. С. 106.
- ⁹² Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 1. С. 399.
- ⁹³ Там же. С. 395.
- ⁹⁴ *Чубарьян А. О.* Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 г. М., 2008. С. 306.
- ⁹⁵ См.: Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 3. С. 91–92.
- ⁹⁶ СССР и Литва в годы Второй мировой войны. В 2-х т. Т. 1. СССР и Литовская Республика. Март 1939 — август 1940 г. Сб. документов. С. 339, 341.
- ⁹⁷ См.: Baltfort. Балтийский военно-исторический журнал. 2010. № 3. С. 31–38; От пакта Молотова — Риббентропа до договора о базах. Таллин, 1990. С. 184.
- ⁹⁸ Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13. М., 1994. С. 123.
- ⁹⁹ См.: Великая Отечественная война в 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. С. 330–331.
- ¹⁰⁰ *Зубкова Е. Ю.* Прибалтика и Кремль. 1940–1953 гг. М., 2008. С. 77.
- ¹⁰¹ СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. СССР и Литовская Республика. Март 1939 — август 1940 г. Сб. документов. С. 599.
- ¹⁰² *Урбишис Ю.* Литва в годы суровых испытаний. 1939–1940 гг. Вильнюс, 1989. С. 57.
- ¹⁰³ СССР — Германия. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. Т. 2. С. 55.
- ¹⁰⁴ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. С. 332.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ 1940 год в Эстонии. Документы и материалы. Таллин, 1989. С. 155–160.
- ¹⁰⁷ Известия. 2 августа 1940 г.
- ¹⁰⁸ *Виноградов В. Н., Ерещенко М. Д., Семенова Л. Е., Покивайлова Т. А.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996. С. 334–335.
- ¹⁰⁹ Известия. 30 марта 1940 г.
- ¹¹⁰ АВП РФ. Ф. 6. Оп. 2. П. 22. Д. 273. Л. 19.
- ¹¹¹ Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 1. С. 365.
- ¹¹² Там же. С. 374.
- ¹¹³ Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. Примечания. М., 1998. С. 801.
- ¹¹⁴ Советско-румынские отношения 1917–1941. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 2. 1935–1941 гг. М., 2000. С. 310–315.
- ¹¹⁵ *Печатнов В. О., Маныкин А. С.* Указ. соч. С. 242–243.
- ¹¹⁶ СССР — Германия. 1939–1941 гг. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. Т. 2. С. 74, 108.
- ¹¹⁷ Подробнее см.: *Исламов Т. М., Покивайлова Т. А.* Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 гг. М., 2008.
- ¹¹⁸ Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 1. С. 546.
- ¹¹⁹ Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. С. 103.
- ¹²⁰ История дипломатии. Документы и материалы. В 5-ти т. 2-е изд. Т. 4. Дипломатия в годы второй мировой войны. М., 1975. С. 102.
- ¹²¹ Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. Примечания. С. 813.
- ¹²² Там же. Ч. 1. С. 30–32.
- ¹²³ Там же. С. 41.
- ¹²⁴ Там же. С. 49.
- ¹²⁵ Там же. С. 73.
- ¹²⁶ Там же. С. 81.
- ¹²⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 15. Д. 163. Л. 2–3.
- ¹²⁸ *Димитров Г.* Указ. соч. С. 203.
- ¹²⁹ *Чубарьян А. О.* Указ. соч. С. 328.

- ¹³⁰ Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. С. 124–128.
- ¹³¹ Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 79.
- ¹³² Там же. С. 136–137.
- ¹³³ *MacSherry J.* Stalin, Gitle and Europe. Vol. 1. The Origins of World War II 1939–1945. Cleveland, 1968. P. 22.
- ¹³⁴ *Cooh A.* Nomonhan: Japan Against Russia, 1939. N. Y., L., 1985. Vol. II. Supercovers.
- ¹³⁵ *Iriye A.* The Origins of the Second World War in Asia and the Pacific. L.; N. Y., 1989. P. 83.
- ¹³⁶ Ibid. P. 84.
- ¹³⁷ Ibid.
- ¹³⁸ АВП РФ. Ф. 9. Оп. 2. Д. 89. Л. 64.
- ¹³⁹ Там же. Ф. 146. Оп. 29. Д. 31. Л. 557.
- ¹⁴⁰ Там же. Ф. 9. Оп. 2. Д. 86. Л. 56.
- ¹⁴¹ Там же. Л. 56–57.
- ¹⁴² Там же. Л. 57–58.
- ¹⁴³ Там же. Оп. 3. Д. 165. Л. 101.
- ¹⁴⁴ Там же. Оп. 2. Д. 86. Л. 66–67.
- ¹⁴⁵ Там же. Оп. 3. Д. 162. Л. 104.
- ¹⁴⁶ Там же. Оп. 2. Д. 86. Л. 66–67.
- ¹⁴⁷ Внешняя политика СССР. Сб. документов. М., 1946. Т. 4. С. 547.
- ¹⁴⁸ Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 109–110, 137–138.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 344.
- ¹⁵⁰ СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. 1939–1941 гг. Дискуссии, комментарии, размышления. М., 2007. С. 400.
- ¹⁵¹ Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 444.
- ¹⁵² Там же. С. 514.
- ¹⁵³ Там же. С. 522–523.
- ¹⁵⁴ Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984. С. 77.
- ¹⁵⁵ Вооруженные силы Китая. История и современность. М., 1989. С. 81.
- ¹⁵⁶ См.: Там же.
- ¹⁵⁷ Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа. М., 1975. С. 26.
- ¹⁵⁸ См.: Конфликт на КВЖД. Из истории советских Вооруженных сил. Хабаровск, 1989.
- ¹⁵⁹ Дайтоа сэно кокан сэн си (Официальная история войны в великой Восточной Азии). В 110-ти т. Т. 8. Дайхонэй рикугун бу (Секция сухопутных войск ставки). Ч. 1. Сёва дзюгонэн гогацу мадэ (до мая 1941 г.). Токио, 1967. С. 138–139.
- ¹⁶⁰ Квантунская армия представляла собой крупное объединение сухопутных войск Японии. До сентября 1931 г. постоянно дислоцировалась на территории Квантунской области (Ляодунский полуостров Северо-Восточного Китая), затем — в Маньчжурии (до августа 1945 г.), превратившись в стратегическую Квантунскую группировку войск, включавшую три фронтовых объединения.
- ¹⁶¹ *Зимонин В. П.* Канун и финал Второй мировой: Советский Союз и принуждение дальневосточного агрессора к миру. Историографический анализ. М., 2010. С. 202.
- ¹⁶² Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. М., 1986. С. 336.
- ¹⁶³ *Кутаков Л. Н.* Внешняя политика и дипломатия Японии. М., 1964. С. 99–100.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 100.
- ¹⁶⁵ Вторая мировая война в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Военно-исторический очерк. М., 1989. С. 15.
- ¹⁶⁶ Там же.
- ¹⁶⁷ См.: *Кутаков Л. Н.* Указ. соч. С. 96.
- ¹⁶⁸ *Iriye A.* The Origins of the Second World War in Asia and the Pacific. P. 19, 29–30.
- ¹⁶⁹ История войны на Тихом океане / Пер. с яп. В 5-ти т. Т. II. М., 1957–1958. С. 340–342.
- ¹⁷⁰ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 2. Накануне войны. М., 1974. С. 36.
- ¹⁷¹ Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне. М., 2012. С. 8–9.

- ¹⁷² Вооруженные силы Китая. История и современность. С. 37–38.
- ¹⁷³ Великая Победа: многотомное продолжающееся издание. Т. VIII. Расплата. М., 2011. С. 85.
- ¹⁷⁴ Русско-китайские отношения в XX в. Т. IV. Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Документы и материалы. Кн. 1. 1937–1944 гг. М., 2000. С. 163.
- ¹⁷⁵ Мясников В. С. Квадратура китайского круга. Избранные статьи. Кн. 2. М., 2006. С. 329.
- ¹⁷⁶ Рихард Зорге. Статьи, корреспонденции, рецензии. М., 1971. С. 209.
- ¹⁷⁷ АВП РФ. Ф. 9. Оп. 29. Д. 47. Л. 97.
- ¹⁷⁸ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. Документы и материалы. М., 1971. С. 167–175; История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 2. Накануне войны. С. 72.
- ¹⁷⁹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1050. Л. 37; Д. 1303. Л. 21; Русско-китайские отношения в XX в. Т. IV. Советско-китайские отношения. 1937–1944 гг. С. 308–309; Проблемы Дальнего Востока. № 4. 1995. С. 87.
- ¹⁸⁰ Вооруженные силы Китая. История и современность. С. 92.
- ¹⁸¹ Там же. С. 94.
- ¹⁸² Яковлев В. П., Боброва К. В. Рожденный летать и сражаться. Документальная повесть. М., 2012. С. 105.
- ¹⁸³ Сапожников Б. Г. Японо-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937–1939). М., 1970. С. 76.
- ¹⁸⁴ Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 3. С. 108.
- ¹⁸⁵ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 2. Накануне войны. М., 1974. С. 40.
- ¹⁸⁶ Соох А. Nomonhan: Japan Against Russia, 1939. Vol. 1. P. 145–147.
- ¹⁸⁷ Советско-монгольские отношения 1921–1974 гг. Документы и материалы. М., 1975. Т. 1. С. 548.
- ¹⁸⁸ Документы внешней политики СССР. М., 1973. Т. 18. С. 666; История советско-монгольских отношений. М., 1981. С. 71–72.
- ¹⁸⁹ Frankfurter Zeitung. Januar 13, 1937.
- ¹⁹⁰ Соох А. Nomonhan: Japan Against Russia, 1939. Vol. 1. P. 147.
- ¹⁹¹ АВП РФ. Ф. 5. Оп. 18. Д. 180. Л. 27, 38.
- ¹⁹² Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. С. 157.
- ¹⁹³ Хэ Ли. Канжи чжаньчжэн ши (История войны сопротивления Японии). Шанхай, 1987. С. 117; Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем. 1917–1974 гг. М., 1977. С. 129–132, 265; Вторая мировая война в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Военно-исторический очерк. С. 181–182.
- ¹⁹⁴ Хэ Ли. Канжи чжаньчжэн ши (История войны сопротивления Японии). С. 273.
- ¹⁹⁵ Шицзе лиши. 1987. № 4. С. 9.
- ¹⁹⁶ Мао Цзэдун. Избранные произведения / Пер. с кит. М., 1953. Т. 3. С. 79.
- ¹⁹⁷ История войны на Тихом океане. Т. II. С. 183–184.
- ¹⁹⁸ The Far Eastern Situation. Lecture Delivered 17 Oktober 1939 by Mr. Joseph W. Ballantine at the Naval War College. P. 8.
- ¹⁹⁹ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 2. Накануне войны. С. 74.
- ²⁰⁰ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1050. Л. 204.
- ²⁰¹ Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне. С. 21.
- ²⁰² Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV. Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Док. № 497. С. 671–672; Док. № 498. С. 673.
- ²⁰³ См.: Гольдберг Д. И. Внешняя политика Японии. Сентябрь 1939 — декабрь 1941 г. М., 1959. С. 101.
- ²⁰⁴ Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2005. С. 175.
- ²⁰⁵ Чуйков В. И. Миссия в Китае. М., 1983. С. 220.
- ²⁰⁶ Гольдберг Д. И. Указ. соч. С. 152, 169.
- ²⁰⁷ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 3. М., 1974. С. 182.
- ²⁰⁸ Кутаков Л. Н. Указ. соч. С. 94.

- ²⁰⁹ Сафронов В. П. Война на Тихом океане. М., 2007. С. 46–47, 67; Кошкин А. А. Россия и Япония: Узлы противоречий. М., 2010. С. 148; Черевко К. Е., Кириченко А. А. Советско-японская война (9 августа — 2 сентября 1945 г.). Рассекреченные архивы (предыстория, ход, последствия). М., 2006. С. 27–28.
- ²¹⁰ Впервые правительство СССР обратилось к Токио с предложением о подписании между двумя государствами договора о ненападении в мае 1927 г., что было встречено в штыки командованием японской армии, считавшей, что «в отношении пакта о ненападении, выдвигаемого СССР, следует занять такую позицию, которая обеспечивала бы империи полную свободу действий». Попытка посла СССР в Японии А. А. Трояновского 8 марта 1928 г. вновь поставить перед премьер-министром Г. Танакой вопрос о заключении пакта о ненападении была отвергнута. Г. Танака ответил, что «для этого не пришло еще время» (См.: Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 3. М., 2002. С. 35; Документы внешней политики СССР. Т. 15. М., 1969. С. 16; Кошкин А. А. Россия и Япония: Узлы противоречий. С. 147).
- ²¹¹ Документы внешней политики СССР. Т. 14. М., 1968. С. 746.
- ²¹² Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. С. 167.
- ²¹³ Черевко К. Е., Кириченко А. А. Указ. соч. С. 29–30; Кутаков Л. Н. Указ. соч. С. 95.
- ²¹⁴ Осака асахи. 30 ноября 1932 г.
- ²¹⁵ АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 24. Д. 10. Л. 20.
- ²¹⁶ Кутаков Л. Н. Указ. соч. С. 96; Кошкин А. А. Россия и Япония: Узлы противоречий. С. 154, 156; Сафронов В. П. Указ. соч. С. 169–170.
- ²¹⁷ Сафронов В. П. Указ. соч. С. 131.
- ²¹⁸ War in Asia and the Pacific. 1937–1949. A Fifteen Volume Collection / Ed. by Detwiler D. and Burdick Ch. Vol. 2. Political Background of the War. Appendix No. 1. Hirota Cabinet's National and Foreign Policies. N. Y., 1966. P. VII.
- ²¹⁹ War in Asia and the Pacific. Vol. 2. Political Background of the War. Appendix No. 11. Fundamental Policy to Deal with the China Incident (Decided at the Council in the Imperial Presence on January 1938). P. 1.
- ²²⁰ Центр хранения историко-документальных коллекций (далее — ЦХИДК). Ф. 451/п. Оп. 5. Д. 72. Л. 25.
- ²²¹ War in Asia and the Pacific. Vol. 2. Appendix No. 2. Hayashi Cabinet's China Policy and Guidance Principles for North China. P. 11–111.
- ²²² ЦХИДК. Ф. 451/п. Оп. 5. Д. 72. Л. 23.
- ²²³ АВП РФ. Ф. 9. Оп. 29. Д. 47. Л. 79.
- ²²⁴ Там же. Л. 9–10.
- ²²⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. С. 175; СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. Документы и материалы. С. 167–175.
- ²²⁶ АВП РФ. Ф. 9. Оп. 29. Д. 58. Л. 193–194.
- ²²⁷ СССР — Германия. 1939–1941 гг. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. Т. 1. С. 65–66.
- ²²⁸ Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 1. С. 333–334.
- ²²⁹ Там же. С. 402.
- ²³⁰ Кошкин А. А. Предыстория заключения пакта Молотова — Мацуока // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 137.
- ²³¹ Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 10–11.
- ²³² Там же. С. 111–112.
- ²³³ Сиполс В. Я. Указ. соч. С. 313.
- ²³⁴ Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. С. 497–502.
- ²³⁵ Сиполс В. Я. Указ. соч. С. 314.
- ²³⁶ Кошкин А. А. Предыстория заключения пакта Молотова — Мацуока // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 140.
- ²³⁷ Сиполс В. Я. Указ. соч. С. 317–318.
- ²³⁸ Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. С. 561.
- ²³⁹ Там же. С. 562.
- ²⁴⁰ Там же. С. 563–564.

- ²⁴¹ Там же. С. 565–566.
- ²⁴² Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 3. С. 104.
- ²⁴³ *Проэктор Д. М.* Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1985. С. 267.
- ²⁴⁴ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. Основные события войны. М., 2011. С. 47.
- ²⁴⁵ СССР — Германия. 1939–1941 гг. Документы и материалы. Т. 2. М., 1983. С. 162.
- ²⁴⁶ Исторический архив. 1995. № 2. С. 23–31.
- ²⁴⁷ *Ширер У.* Взлет и падение Третьего рейха. Т. 2. М., 1991. С. 222–227.
- ²⁴⁸ Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 292–294.
- ²⁴⁹ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 345. Д. 2361. Л. 246.
- ²⁵⁰ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. С. 390–391.
- ²⁵¹ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. 1933–1941 гг. С. 433–440.
- ²⁵² Правительства Великобритании и США заявляли, что окажут помощь СССР, если он подвергнется неспровоцированной агрессии.
- ²⁵³ *Майский И. М.* Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943. В 2-х кн. Кн. 1. 1934 — 3 сентября 1939 года. М., 2006. С. 407–408.
- ²⁵⁴ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. С. 391.